
**European
Journal**

**of Philosophical
Research**

Has been issued since 2014. ISSN 2408-9435
2014. Vol.(2). № 2. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Petrova Svetlana – Sochi State University, Sochi, Russian Federation (Editor in Chief)

Mamadaliyev Anvar – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Elizbarashvili Elizbar – Iakob Gogebashvili Telavi State University, Telavi, Georgia

Fedorov Aleksandr – Rostov State University of Economics, Taganrog, Russian Federation

Kolesnikova Marina – North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Mamedov Nizami – Russian Presidential Academy of National Economy And Public Administration, Moscow, Russian Federation

Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarussian State, Minsk, Belarus

Zherebtsov Igor' – Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Syktyvkar, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **Open Academic Journals Index** (Russia).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal17.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 20.12.14.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 302.

© European Journal of Philosophical Research, 2014

European Journal of Philosophical Research

2014

№

2

Издается с 2014 г. ISSN 2408-9435
2014. № 2 (2). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Петрова Светлана – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация (Главный редактор)

Мамадалиев Анвар – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Элизбарашвили Элизбар – Телавский государственный университет, Телави, Грузия

Федоров Александр – Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрог, Российская Федерация

Колесникова Марина – Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

Мамедов Низами – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Жеребцов Игорь – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра РАН, Сыктывкар, Российская Федерация

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США), **Open Academic Journals Index** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6

Сайт журнала: <http://ejournal17.com/>

E-mail: sochioo3@rambler.ru

Подписано в печать 20.12.14.

Формат 21 × 29,7/4.

Бумага офсетная.

Печать трафаретная.

Гарнитура Georgia.

Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.

Тираж 500 экз. Заказ № 302.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

2014

№ 2

CONTENTS

Articles and Statements

Sevinj Bagirova The Objectives, Plans and Prospects Of The Cooperation Council of Turkic States	80
Gennady G. Butorin The Content of the Categories "Norma-Pathology" and "Health-Illness" in the Context of Clinical Psychology	89
Elizbar Elizbarashvili The Attempt to Overcome the Time Dynamic Theory in Martin Heidegger`s Philosophy	98
Yury D. Granin National Identity Under Globalization Challenges	102
Sergey A. Lebedev The Positive-Dialectical Epistemological Program	113

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
ISSN: 2408-9435
Vol. 2, No. 2, pp. 80-88, 2014

DOI: 10.13187/ejpr.2014.2.80
www.ejournal17.com

Articles and Statements

UDC 1

The Objectives, Plans and Prospects Of The Cooperation Council of Turkic States

Sevinj Bagirova

Ganja State University, Azerbaijan
Doctor of Philosophy
E-mail: gceferova@rambler.ru

Abstract

In a scientific article the formation and activities of the Cooperation Council of Turkic Speaking States were analyzed. A review of the main issues was held at the summit meetings of the Board. The role of the Council in strengthening and developing relations between the Turkic states was also discussed. These countries cooperate in the framework of international organizations from the same point of view. Azerbaijan plays a special role in the development of initiatives of the Cooperation Council of Turkic Speaking States.

Keywords: cooperation Council of Turkic Speaking States; international organizations; the summit; trade- economic, cultural and humanitarian.

«XXI век должен стать Веком тюркского мира»
Президент Азербайджанской Республики
Ильхам Алиев [1]

Введение

Тюркские народы связывает общая история, традиции. Начиная с 90 годов прошлого столетия эти народы пережили очень много хорошего и плохого. Эти 20 лет стали решающими годами. За эти годы были проведены фундаментальные, коренные экономические, политические реформы. География тюркоязычных государств очень обширна, и они имеют весь необходимый потенциал для расширения взаимодействия. Эти страны сотрудничают в рамках международных организаций, выступая с единых позиций. Взаимная поддержка в международных организациях, конечно же, необходима. Очень важно, чтобы связи между всеми тюркоязычными государствами как в двустороннем, так и многостороннем форматах поднялись на еще более высокий уровень. На сегодняшний день геополитическая ситуация по всему миру напряженна. На фоне этого актуален вопрос о деятельности организаций, способных обеспечить эффективное региональное сотрудничество.

Экономический и демографический потенциал Турции, Азербайджана, Туркменистана, Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана с общей территорией 4,8 млн квадратных километров занимает в мире седьмое место, с населением 140 млн – девятое

место, с общим производством стоимостью 1,5 триллиона долларов США – 13-е место. Общий объем внутреннего валового продукта шести независимых тюркоязычных государств достигает 1 триллиона 150 млрд долларов [1].

Первые шаги к взаимодействию тюркских государств наметились после распада СССР. Новым форматом взаимоотношений стали саммиты глав тюркоязычных государств. В октябре 1992 года в Анкаре прошел первый саммит глав государств тюркских стран по инициативе Турции. В нем тогда приняли участие главы всех постсоветских тюркских государств. С 1992 года до 2010 года было проведено десять "саммитов глав тюркоязычных государств", после чего они были названы "Саммитами Тюркского Совета".

Тюркский Совет был создан в октябре 2009 года на саммите глав тюркских государств в древнем азербайджанском городе – Нахчыване. Тогда главы тюркоязычных государств Кыргызстана, Казахстана, Азербайджана и Турции подписали Нахчыванскую декларацию и Соглашение о создании Совета тюркоязычных государств (ССТГ). В декларации "подтверждались намерение и в дальнейшем развивать отношения и укреплять солидарность тюркоязычных государств на основе общности истории, языка, самобытности и культуры" и обозначалась главная цель – на основе "солидарности тюркоязычных государств укреплять региональное и международное сотрудничество в Евразийском регионе [2]. Уникальность такого тезиса заключается в том, что принадлежность к тюркскому миру определялась не политическими или территориальными связями, а вполне конкретными этническими критериями: языком, культурой, представлениями о кровной общности. То есть, "тюркизм" стал трактоваться как выходящая за рамки государственности историческая и политическая категория. При этом его стали выдвигать в качестве главного организующего принципа межгосударственного объединения» [3].

Был одобрен и утвержден единый флаг Совета сотрудничества тюркоязычных государств. Новый единый флаг символизирует присутствие в тюркоязычном Совете всех 4 государств – солнце из флага Кыргызстана, звезда – Азербайджан, полумесяц – Турция, цвет – Казахстан [4].

Секретариат находится в Стамбуле, где действует с сентября 2010 года. С 2010 года по 2014 год Генеральным секретарем ССТГ был Халил Акынджи. С сентября 2014 года к обязанностям Генерального секретаря приступил представитель Азербайджана Рамиль Гасанов.

Выступая на Четвертой встрече министров иностранных дел Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) генеральный секретарь Совета сотрудничества тюркоязычных государств Халил Акынджи отметил, что основной целью Тюркского совета является дальнейшее углубление всестороннего сотрудничества между тюркоязычными государствами в таких областях, как экономика, культура, образование и наука, тем самым развивая способность внести совместный вклад в обеспечение мира и стабильности в регионе и мире в целом. В этом стремлении государства-члены по-прежнему твердо привержены целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций и другим общепризнанным принципам и нормам международного права [5].

Деятельность организации не ограничивается экономической и культурной сферой. Тюркский совет, развивающий широкое сотрудничество между государствами, можно оценить как субрегиональную организацию, которая может внести свой вклад в укреплении мира и стабильности в регионе, учитывая близость государств-членов к различным региональным конфликтам.

Для принятия конкретных шагов в дальнейшем развитии сотрудничества между тюркоязычными странами за последние годы состоялись 4 саммита Совета Сотрудничества Тюркоязычных Государств, которые сыграли значительную роль в развитии этих отношений по различным направлениям.

Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев, Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев, Президент Кыргызской Республики Роза Отунбаева и Заместитель Премьер-министра Турецкой Республики Бекир Боздаг встретились на первом Саммите Совета Сотрудничества Тюркоязычных Государств, который состоялся в Казахстане в 2011 году [6]. На заседании обсуждались актуальные вопросы международного и регионального характера. ССТГ определил в качестве главного приоритета расширение торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества. Была подчеркнута

важность укрепления двусторонних и многосторонних отношений между тюркоязычными государствами, отмечена большая роль ТЮРКСОЙ в укреплении культурных связей. На заседании было принято решение о создании в Баку Культурного фонда тюркоязычных государств [7]. Большое значение имеет развитие культурных связей, так как нас объединяют общая культура и этнические корни. После создания Фонда ТЮРКСОЙ станут возможными реставрация исторических памятников, издание книг, проведение культурных мероприятий.

Президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым было отмечено, что в настоящее время азербайджанские компании очень активно вкладывают инвестиции в зарубежные государства. Взаимное инвестирование тюркоязычных государств послужит развитию стран, приведет к открытию новых рабочих мест и, в то же время, усилит экономические связи. Объем вложенных инвестиций в течение нескольких лет составит 5-6 миллиардов долларов [7].

В последние годы Азербайджан вносит свой вклад и в вопросы энергетической безопасности. Нужно особо подчеркнуть значение нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, строительство которого в свое время было начато и успешно завершено Азербайджаном. По существу, это новый энергетический коридор. У Азербайджана и других тюркоязычных государств – есть богатые природные ресурсы. Основная цель поставки этих ресурсов на мировые рынки. Таким образом экономические интересы государств совпадают. Приводятся различные данные о природных ресурсах Каспия. Газета «Нью-Йорк Таймс» в номере от 6 августа 1997 года привела данные, согласно которым промышленные запасы углеводородного сырья Каспия состоят из 200 миллиардов баррелей нефти и примерно столько же газа, а стоимость их по нынешним ценам равна 4 триллионам долларов США. По подсчетам американских экспертов, общий объем месторождений углеводородов на Каспии составляет 200 миллиардов тонн, топливно-энергетические запасы же четырех прикаспийских стран, исключая Иран, равны 51–57 миллиардам тонн [8, 816]. Как видно Каспийское море и Кавказский регион вновь стали главными по своей значимости объектами мировой политики.

Кроме этого президентом Азербайджана была акцентирована основная проблема, которая стоит перед Азербайджаном, – нагорно-карабахская проблема, являющаяся источником самой большой угрозы и несправедливостью для всего региона. Было отмечено, что территориальная целостность Азербайджана, признанная международным сообществом нарушена со стороны Армении. Около 1 млн азербайджанцев оказались в положении беженцев и переселенцев на родной земле, оккупировано 20 процентов наших земель [7].

На заседании также подписаны и приняты основополагающие документы по правовому обеспечению деятельности Секретариата ССТГ.

По итогам саммита был принят, состоящий из 49 пунктов, итоговый документ I Саммита ССТГ – Алматинская декларация. Документ отражает согласованную позицию тюркоязычных государств по ряду международных и региональных вопросов, определяет направления их сотрудничества в экономической и культурно-гуманитарной сферах [9].

Второй Саммит ССТГ прошел 23 августа 2012 года в Бишкеке. В государственной резиденции «Ала-Арча» начал свою работу Саммит глав тюркоязычных государств (ССТГ), на котором присутствовали президенты Кыргызстана Алмазбек Атамбаев, Казахстана – Нурсултан Назарбаев, Турции – Абулла Гюль и премьер-министр Азербайджана Артур Расизаде, «Сотрудничество в области науки, образования и культуры» стало тематикой этого мероприятия [6]. На заседании особое внимание было уделено армяно-азербайджанскому конфликту. Было отмечено, что армяно-азербайджанский конфликт является препятствием на пути стабильности на Южном Кавказе. Длющиеся 20 лет переговоры по мирному урегулированию конфликта не дают результатов. А.Давутоглу заявил, что до тех пор, пока нагорно-карабахский конфликт не будет решен мирным путем, в рамках территориальной целостности Азербайджана, будет сложно достичь мира, стабильности и благополучия на Южном Кавказе и Средней Азии [10]. Турция продолжает оказывать всяческие усилия в вопросе урегулирования нагорно-карабахского конфликта. Но необходимо отметить, что и другие тюркоязычные государства должны проявить солидарность и поддержать справедливую позицию Азербайджана в этом вопросе.

Касательно экономических вопросов, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев во время второго саммита ССТГ сообщил, что в Бишкеке подписан протокол о строительстве железнодорожной магистрали Турция-Грузия-Азербайджан-Кыргызстан-Казахстан-Китай [11].

Премьер-министр Кыргызстана Омурбек Бабанов отметил, что на рассмотрение азербайджанской стороне переданы крупные инвестиционные проекты. Было предложено инвестировать деньги в реконструкцию аэропорта в селе Тамчы (Иссык-Кульская область) и в открытие филиалов азербайджанских банков в Кыргызстане [12].

В ходе встречи была также обсуждена реализация проекта по строительству совместного кыргызско-азербайджанско-казахстанского нефтепровода и нефтеперерабатывающего завода на территории КР, создание кыргызско-азербайджанского инвестиционного фонда [13].

По итогам II Саммита глав тюркоязычных государств стороны подписали четыре документа. В частности, была подписана Бишкекская декларация, Соглашение «О финансовых правилах Секретариата ССТГ», Соглашение «О создании Тюркской Академии» и Устав фонда Тюркской культуры и наследия. Участники мероприятия также приняли решение о проведении очередного саммита в Азербайджане в 2013 году.

III саммит Совет сотрудничества тюркоязычных государств состоялся 16 августа 2013 года в Габале. В саммите участвовали Президент Азербайджана Ильхам Алиев, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, Президент Турции Абдуллах Гюль, Президента Кыргызстана Алмазбек Атамбаев и заместитель председателя Кабинета Министров Туркменистана Сапардурду Тойлиев [14].

Одним из важных вопросов, стоящих в повестке дня, было обеспечение региональной безопасности. К вниманию представителей государств – членов Совета была представлена основная проблема, которая стоит перед Азербайджаном, – это армяно-азербайджанская, нагорно-карабахская проблема. Было отмечено что, Азербайджан на протяжении долгих лет страдает от армянской агрессии. «Скорейшее и справедливое урегулирование армяно-азербайджанского, нагорно-карабахского конфликта в рамках территориальной целостности Азербайджана станет вкладом в региональную безопасность», – подчеркнул глава государства [14]. Долгие годы конфликт остается неразрешенным. Со стороны Армении против азербайджанцев была проведена политика этнической чистки. Все основные международные организации высказали свою позицию по данному вопросу. Имеются 4 резолюции Совета Безопасности ООН, в которых подчеркнута необходимость безоговорочного вывода сил Армении с азербайджанских земель.

Кроме этого глава Азербайджанского государства акцентировал внимание на реализуемых Азербайджаном международных проекты. Наглядным свидетельством которого является железная дорога Баку-Тбилиси-Карс. Данный проект позволит восстановить исторический Великий Шелковый путь.

На заседании Президент Казахстана отметил необходимость активного развития экономических связей между странами тюркского мира. «В настоящее время общий объем внутреннего товарооборота шести независимых тюркоязычных стран достиг \$ 1 трлн. 150 млрд. Несмотря на это, товарооборот между нашими странами не соответствует имеющемуся потенциалу», – заявил Н. Назарбаев. Президент Казахстана подчеркнул, что по итогам 2012 года объемы торговли между его страной и тюркоязычными государствами составили всего \$ 8 млрд., то есть, лишь 6 % всего товарооборота страны [14].

Итоговая декларация III саммита Совета сотрудничества тюркоязычных государств была принята 16 августа в Габале. Как отмечается в декларации, которая была подписана на азербайджанском, казахском, кыргызском и турецком языках президенты еще раз подтвердили намерение по расширению сотрудничества между тюркоязычными странами.

В декларации говорится, что стороны отметили значительные результаты, достигнутые в сферах культуры, спорта, науки, образования, экономики, в вопросах внешней политики, безопасности и др. Также был отмечен рост торговли и инвестиций между тюркоязычными странами. Была выражена готовность к дальнейшему сотрудничеству в данном направлении. Было принято решение о создании рабочей таможенной группы между тюркоязычными странами, целью которой является расширение сотрудничества в данной сфере. Также нужно отметить, что инициатива Азербайджана

относительно учреждения Фонда сохранения и преумножения тюркской культуры и наследия нашла поддержку у других членов Совета сотрудничества тюркоязычных стран.

В 13-м пункте Декларации, касающийся армяно-азербайджанского конфликта отмечается, что стороны выражают заинтересованность в поддержке мирного урегулирования конфликта. Указывается также, что проблема должна быть решена в рамках территориальной целостности Азербайджана [14].

IV саммит Совета сотрудничества тюркоязычных государств был проведен 5 июня 2014 года в турецком городе Бодрум [15]. В саммите принимали участие президент Турции Абдулла Гюль, президент Азербайджана Ильхам Алиев, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, президента Кыргызстана Алмазбек Атамбаев и президент Туркменистана Гурбангулу Бердымухаммедов, (его страна находится в статусе наблюдателя). По поводу участия в работе саммита президента Туркменистана Гурбангулу Бердымухаммедова казахстанская Курсив.kz отметила: «Факт участия Туркменистана в саммите может свидетельствовать об усилении позиций молодого объединения, за которым все более внимательно и ревностно следят в Москве» [16]. Туркменистан обладает крупнейшими в регионе и вторыми в мире после России запасами природного газа, экспорт которого мог бы стать локомотивом тюркской экономической интеграции. Узбекистан – на саммите представлен не был, но от участия в альянсе пока не отказывался.

Общее население государств пяти участников Бодрумского саммита насчитывает 108 млн человек. Объем внутреннего товарооборота между тюркоязычными странами превышает \$ 1 трлн [15].

Главной темой саммита было развитие сотрудничества в сфере туризма. По мнению представителя международного исследовательского центра (USAK) Хасан Селим Озертема в Турции после президента Тургутта Озала начали придавать особое значение развитию туризма, и регион Бодрума играет здесь одну из ключевых ролей. Кроме того, Азербайджан и Туркмения также стараются развивать этот сектор, вкладывая в него огромные инвестиции. В этом плане неудивительно, что стороны на саммите обсуждали возможности для реализации совместных проектов, наподобие тех, которые уже реализуются в Европе. Похожие программы можно придумать и для тюркоязычных стран. Культурные связи, языковая схожесть дают повод сотрудничать и реализовывать подобные проекты – подчеркнул Озертем [17].

Была обсуждена стратегия совместной деятельности, в частности, в сферах образования, транспорта, расширения сотрудничества таможенных служб, отношений с международными организациями, экономического сотрудничества, а также вопрос создания единого тюркского телевидения. По окончании саммита было принято решение о создании центров с целью поддержки диаспор тюркоязычных стран на международной арене и расширения сферы их влияния. В Европе и США будут созданы центры тюркской диаспоры. Было предложено создание рабочей группы по развитию сферы туризма. Рамиль Гасанов избран новым генеральным секретарем Совета сотрудничества тюркоязычных государств. Было решено, что V Саммит Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) должен состояться в 2015 году в Казахстане [18].

По итогам заседания была принята Декларация IV саммита Совета сотрудничества тюркоязычных государств.

Бодрумский саммит доказал заявление Президента Азербайджана Ильхама Алиева о том, что Совет сотрудничества тюркоязычных государств уже превратился в сильную международную организацию. Необходимо добавить, что тюркоязычные государства формируют динамичную, конкурентоспособную организацию, отвечающую современным вызовам. Лидеры стран ССТГ не скрывают, что намерены создать сильный союз.

Тюркский мир – великий мир. Тюркский мир должен сплотиться еще теснее. Для этого имеются все возможности. Регулярное проведение этих саммитов Совета сотрудничества, принятые решения демонстрируют наличие очень серьезной политической воли. Кроме этого проведение этих саммитов в различных городах укрепляет единство между тюркоязычными народами, делает их ближе. Максимальное использование возможности развития сотрудничества на пространстве тюркоязычных государств, поможет повышать благосостояние народов, тесно взаимодействовать и укреплять региональную стабильность. Главная задача Совета сотрудничества тюркоязычных государств – укрепление единства

между странами и народами. Гуманитарная сфера является основой этого сотрудничества. В то же время из года в год растет потенциал тюркоязычных стран в экономической сфере, они тесно сотрудничают друг с другом. Реализуются различные экономические проекты. Но в основном главы пяти государств сосредоточились на сотрудничестве в сферах культуры, туризма и развития инфраструктурных проектов.

В рамках каждого саммита президенты проводят как многосторонние, так и двусторонние встречи. Однако ССТГ нельзя сводить к чисто диалоговой площадке по обмену мнениями и обсуждению вопросов культурного, политического и экономического партнерства.

Во главе приоритетных внешнеполитических вопросов тюркского мира стоит армяно-азербайджанский, нагорно-карабахский конфликт. Особо следует выделить, что в ходе каждого саммита Совета сотрудничества происходил широкий обмен мнениями об урегулировании армяно-азербайджанского, нагорно-карабахского конфликта.

Все эти народы имеют общую историю, язык и традиции. Культурное сотрудничество составляет сегодня основу тюркской интеграции. Нужно отметить, что за эти годы в этом направлении было сделано не мало. Чтобы внести свой вклад в укрепление национального самосознания тюркских народов и информировать молодое поколение о нашем общем наследии в Астане создана Тюркская академия. Тюркская академия имеет большие возможности в обеспечении обмена знаниями и опытом, совместной подготовки тюркологов, изучении тюркского наследия. Согласно решению первого саммита Тюркского совета в Алматы, выпускается ежегодно альманах «Тюркский мир» [1]. В Баку задействован Фонд тюркской культуры и наследия. Целями Фонда являются сохранение, изучение и продвижение тюркской культуры и наследия. Необходимо отметить работу ТЮРКСОЙ, играющую ключевую роль в пропаганде культуры и искусства тюркских народов.

Касательно экономического сотрудничества Общий объем ВВП пяти нынешних участников ССТГ превышает USD 1,3 трлн [19]. Министр экономики Турции Зафер Чаглайан выступая на состоявшемся в Баку заседании ССТГ констатировал: по итогам 2011 года товарооборот Турции с Казахстаном составил 3,9 млрд долларов, с Азербайджаном – 3,4 млрд и с Киргизией – 232 млн. Когда речь идет о странах, которые имеют численность населения 105 млн человек, обладают более 1 трлн. долларов национального дохода, и общий торговый оборот в 545 млрд. долларов – это очень "слабые" показатели, считает он [20]. Немалые проблемы создает также нехватка в организации общих границ. Приведенные выше статистические факты показывают необходимость увеличения экономического сотрудничества между тюркоязычными государствами.

Тюркский Совет нужно превратить в сильную, успешную и действенную организацию, для этого Совет должен выполнить конкретную работу, увеличить экономическое сотрудничество. Следует отметить что, интеграция тюркского мира в экономической и культурной сфере тесно связана с осуществлением проектов, которые свяжут друг с другом транспортную инфраструктуру стран. Вот тогда не исключаются возможности вхождения Узбекистана и Туркменистана в созданный союз. Таким образом, в Совете будут представлены все тюркские государства. Сейчас существует потребность в поднятии ее роли на новый уровень. Не секрет, что отнюдь не все организации регионального уровня функционируют эффективно.

В планах альянса – расширение экономического и торгового сотрудничества, создание единого культурного пространства, а также решение вопросов, связанных с добычей и экспортом каспийских энергоносителей в Европу через территорию Турции.

Эксперты считают, что движущей силой в альянсе является дуэт Баку и Анкары и вставшая, пожалуй, в один ряд с ними Астана [21]. Нурсултан Назарбаев на недавнем саммите, где был создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС), со всей категоричностью поставил вопрос о недопустимости вхождения в организацию Армении вместе с Нагорным Карабахом. Тем самым Астана жестко сформулировала принципиальную позицию в отношении союзного Азербайджана. Возможно, даже к некоторому неудовольствию Москвы. Как известно, Ереван в новый союз активно проталкивает Москва. Но этот шаг по достоинству был оценен в Баку. Ильхам Алиев на двусторонней встрече в Бодруме выразил признательность казахстанскому коллеге за поддержку Азербайджана и обсудил с ним вопросы урегулирования карабахской проблемы [21]. Можно только добавить, Тюркский

совет действует по принципу "Сила – в единстве". Будем надеется, что тюркоязычные государства всегда будут верны этому принципу, и как независимые государства должны быть вместе, поддерживая позиции друг-друга в сложных внешнеполитических вопросах.

Азербайджан, обладающий древней историей, богатой культурой, неисчерпаемыми природными богатствами, издавна известен как нефтяная страна. За последние 10 лет экономика Азербайджана увеличилась более чем в три раза. По расчетам самой влиятельной экономической структуры мира – Всемирного экономического форума – Давосского форума, экономика Азербайджана по своей конкурентоспособности занимает 46-е место в мире [1].

Азербайджан реализует инвестиционные проекты внутри страны и за рубежом. Строительство нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан послужило открытию международного энергетического, а затем и транспортного коридора. Впервые в истории Каспийское море соединилось со Средиземным. Самой важной частью проекта, который называется «Современный Шелковый путь» или «Общий коридор», является проект железной дороги Баку-Тбилиси-Карс. И как отметил президент Турции Абдулла Гюль: «Шелковый путь – это ключ к экономическому процветанию и повышению политического влияния тюркского мира. Поэтому возрождение Шелкового пути должно стать стратегическим приоритетом. Нашим основным приоритетом должно стать превращение тюркского мира в один из центральных регионов глобальной экономики благодаря различным проектам» [1].

Что касается позиции России к тюркскому сближению можно сказать была однозначна: Москва открыто выражала свое недовольство участием на этих саммитах тюркских республик-членов СНГ. У Москвы довольно большое влияние на тюркоязычные страны. Относительно этого вопроса казахстанское издание Курсив.kz пишет: «Азербайджан менее всего подвержен этому влиянию из-за прямых противоречий с Россией по Нагорному Карабаху» – в этом конфликте Россия «в большей степени отстаивает интересы Армении» [16].

Российское руководство до сих пор своего отношения к созданию ССТГ внятно не выражало. Что же касается экспертов, то одна их часть оценивает Тюркский Совет скептически, тогда как другая воспринимает его с определенной настороженностью [19]. Некоторые основания для беспокойства у Кремля могут иметь место. Скажем, при реализации планов транспортировке энергоресурсов неизбежно возникнет угроза господствующим позициям России на этом рынке.

Так же, по мнению российских экспертов, по-прежнему актуален вопрос транспортировки углеводородов из Каспийского бассейна в Европу, но его решению препятствуют нерешенность статуса Каспия и позиция России, негативно воспринимающей трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан [22]. Юридический статус Каспия – это международная проблема, и в этой плоскости интересы таких ведущих мировых держав, как США и Россия, европейских стран и некоторых стран Азии, в том числе и нашего региона, пересекаются. Каждое из этих государств прекрасно понимает, что выгодная позиция на Каспии создаст им преимущественные возможности на Кавказе, Центральной Азии и Ближнем Востоке в целом [8, 817]. В современном мире Каспийское море и Кавказский регион вновь стали главными по своей значимости объектами мировой политики. Между Туркменистаном и Азербайджаном существуют противоречия из-за принадлежности каспийских газовых месторождений. Нынешний статус Каспия регулируется в основном Российско-иранским договором о дружестве, подписанным 26 февраля 1921 года, а также Соглашением о торговле и судоходстве от 25 марта 1940 года, заключенным между СССР и Ираном. Согласно этим документам доля Ирана составила 14 % площади Каспия, а доля СССР – 86 %. В свою очередь, СССР разделил свою долю на национальные сектора между 4-мя республиками – Россией (14 %), Казахстаном (29 %), Азербайджаном (21 %) и Туркменистаном (16 %) и тем самым определил водные границы республик. По мнению международных наблюдателей, необходимости и оснований для пересмотра такого разграничения в данный момент не существует. Согласно достигнутой 12 ноября 1996 года в Ашгабаде взаимной договоренности Прикаспийских стран, нынешний правовой режим и договоренности действуют до принятия новой Конвенции [8, 818].

Нынешние интеграционные процессы в евразийском пространстве находятся в сфере интересов глобальной геополитики. Всего за 5 дней до Бодрумского саммита ССТГ в Астане был подписан документ о создании Евразийского Экономического Союза.

Существуют планы по расширению и развитию Таможенного Союза, основы которого были заложены Россией, Беларусью и Казахстаном [23].

Идея о создании зоны свободной торговли между тюркоязычными государствами обсуждалась на различных уровнях не раз в прошлом. Возможно в будущем тюркоязычные государства действительно создадут экономический союз, подобный Таможенному союзу России, Казахстана и Белоруссии. Речь идет о зоне свободной торговли, то есть между странами-участницами должны быть отменены всякие пошлины. Казахстан является членом Таможенного союза и создает с Россией и Белоруссией Единое экономическое пространство. Казахстан – экономически пока в гораздо большей степени связан с Россией и с Китаем, нежели с партнерами по ССТГ, считают эксперты [24].

Представитель Международного исследовательского центра (USAK) Хасан Селим Озертем считает, что в целом ведущая роль в Тюркском совете принадлежит Турции и Азербайджану. Выражением этих отношений стал провозглашенный Общенациональным Лидером Азербайджана Гейдаром Алиевым принцип "Одна нация – два государства". Сегодня продолжая этот принцип, сотрудничество между тюркоязычными государствами осуществляется под лозунгом «шесть государств, одна нация». Сотрудничество развивается на основе равноправия и взаимного уважения. Поэтому эксперт предлагает: "Надо искать взаимовыгодные пути для сотрудничества с целью поднять динамизм в отношениях на новый уровень" [17].

Заключение

В инициативах по развитию ССТГ Баку отводится особое место. Это подтверждает то, что наша страна располагает поистине широкими внешнеполитическими возможностями. Бодрумский саммит еще раз продемонстрировал значительный рост геополитической роли Азербайджана в тюркском мире.

На прочном фундаменте заметными темпами налаживается прекрасное сотрудничество. Хочется верить, что сотрудничество и в предстоящие годы будет углубляться, расширяться и поднимется на новую ступень. Надеемся, что эти саммиты будут проводиться регулярно. Тюркоязычные государства всегда должны быть вместе по всем вопросам и в будущем сделать все возможное для усиления деятельности Совета Сотрудничества Тюркоязычных Государств.

References:

1. <http://ru.president.az/articles/9013>
2. <http://www.inform.kz/rus/article/2413548>
3. <http://www.regnum.ru/news/polit/1561457.html>
4. <http://www.vestikavkaza.ru/news/V-Bishkeke-zavershaetsya-ofitsialnoe-sozdanie-Soveta-sotrudnichestva-tyurkoyazychnykh-gosudarstv.html>
5. http://www.s-cica.org/page.php?page_id=621&lang=1
6. <http://mfa.gov.kz/index.php/ru/vneshnyaya-politika/kazakhstan-i-mezhdunarodnye-organizatsii/sstg>
7. <http://news.day.az/politics/294301.html>
8. Gasanov A. *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnyaya politika Azerbaidzhana. Uchebnik. «Öyüdü-Äyüdü»* Baku, 2007 903, 816
9. <http://azertag.az/ru/xeber/287776>
10. <http://novosti.az/digest/20120824/297768905.html>
11. <http://novosti.az/economic/20120823/297764680.html>
12. <http://www.1news.az/politics/20120823125652393.html>
13. http://www.knews.kg/politics/20691_azerbaydjan_gotov_investirovat_v_realizatsiyu_vzaimoviygodnyh_proektov_s_kyrgyzstanom/
14. http://azertag.az/ru/xeber/V_Gabale_sostoyalsya_III_sammit_Soveta_sotrudnichestva_tyurkoyazychnykh_gosudarstv_VIDEO-105145
15. <http://www.contact.az/docs/2014/Politics/060500080672ru.htm>
16. <http://russian.rt.com/inotv/2014-06-04/Kursivkz-Rossiya-pomeshala-sozdat-tyurkskiy>
17. <http://www.vestikavkaza.ru/news/Itogi-IV-sammita-Tyurkskogo-soveta-sila-%E2%80%93-v-edinstve.html>

18. <http://www.trend.az/azerbaijan/politics/2282211.html>
19. <http://nmnby.eu/news/express/5556.html>
20. <http://www.regnum.ru/news/polit/1561457.html>
21. http://www.ng.ru/cis/2014-06-06/7_turkmenistan.html
22. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1402818420>
23. <http://www.turkishnews.com/ru/content>
24. <http://expertonline.kz/a11569/>

УДК 1

Совет сотрудничества тюркоязычных государств: задачи, планы, перспективы

Севиндж Рамиз кызы Багирова

Гянджинский государственный университет, Азербайджан
Доктор философии
E-mail: gceferova@rambler.ru

Аннотация. В статье был рассмотрен процесс создания и деятельность Совета по сотрудничеству тюркоязычных государств. Обзор основных вопросов был проведен на саммитах Совета. Обсуждалась также роль Совета в деле укрепления и развития отношений между тюркоязычными странами. Эти страны сотрудничают в рамках международных организаций. Азербайджан играет особую роль в развитии инициатив Совета сотрудничества тюркоязычных государств.

Ключевые слова: совет сотрудничества тюркоязычных государств; международные организации; саммит; торгово-экономический; культурно-гуманитарный.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
ISSN: 2408-9435
Vol. 2, No. 2, pp. 89-97, 2014

DOI: 10.13187/ejpr.2014.2.89

www.ejournal17.com

UDC 1.159.972

The Content of the Categories "Norma-Pathology" and "Health-Illness" in the Context of Clinical Psychology

Gennady G. Butorin

Chelyabinsk State Pedagogical University, Russian Federation
69, Lenin avenue, Chelyabinsk, 454080

Abstract

In the presented work an attempt to theoretically rethink the existing approaches of understanding of the major conceptual continuums at children's psychiatry and clinical pathology is undertaken. It is considered that the concepts "health" and "illness" — it is two important aspects of life which are closely connected and deeply interdependent among themselves. Though health represents a state that opposite to an illness, it can be connected with it various transitional states which have no clear boundary. Especially it is obvious for such complex problem as mental norm and mental pathology. Not incidentally today in science there are two approaches to understand a state of health: negative and positive ones.

Keywords: norm; pathology; health illness; mental development; adaptation; disontogenesis.

«В таком, с одной стороны, хрупком и тонком, а с другой – в таком сложном аппарате, каким является человеческая психика, можно у каждого найти те или иные, подчас довольно диффузные конституционально-психологические черты. А так называемые «гармонические натуры» по большей части есть плод нашего воображения».

П.Б. Ганнушкин

Введение

Известно, что термином детство принято обозначать начальные периоды онтогенеза. Согласно общепринятой периодизации, само детство включает несколько возрастных этапов: период младенчества от 0 до 12–14 мес., раннего возраста от 1 года до 3 лет, дошкольного возраста от 3 до 6–7 лет, младшего школьного возраста от 6–7 до 11–12 лет. В этом контексте к детству в индивидуальном развитии ребёнка практически относится период от рождения до предподросткового, или раннего подросткового возраста. Таким образом «детство» — понятие очень сложное и может иметь не только философское или методологическое звучание, но и нести конкретный смысл, вкладываемый в демографическую статистику и даже законы. Например, педиатры широко используют в своей деятельности понятие о хронологическом возрасте, сформировав определённый условный «стандарт», который является элементом профилактического наблюдения или «диспансеризации».

Возраст, будучи определённым этапом созревания организма, предполагает соответствующий этому уровень биологической, психологической и социальной зрелости (биопсихосоциальная модель возрастного развития). Онтогенез понимается как

индивидуальное развитие организма, как совокупность последовательных морфологических, физиологических и биохимических преобразований, претерпеваемых организмом от момента его зарождения до конца жизни. В то же время познание закономерностей причин и факторов онтогенеза служат научной основой для отыскания средств влияния на развитие человека, что имеет важное значение для психологии и медицины. Как полагает Б.Д. Карвасарский [1, с.43], клиническая психология в этом смысле выступает в качестве психологической и одновременно медицинской науки. Отсюда цель и задачи клинической психологии определяются практическими потребностями клиники: психиатрической, неврологической и соматической (психосоматической). Существующее разделение клинической психологии на пато-, нейро- и соматопсихологию весьма условно и отражает традиционный медицинский подход к классификации болезней. При этом повышенное внимание к проблемам как онтогенеза, так и дизонтогенеза определяется, прежде всего тем, что предупреждение и снижение общей заболеваемости населения, сбережение государством работоспособности населения (ресурсосбережение) зависит от тщательного изучения вопросов индивидуального развития – онтогенеза. Соответственно дизонтогенез – это нарушение развития организма на каком-либо этапе онтогенеза [5; 14; 17; 22; 23]. Методологическая основа изучения дизонтогенеза исходит из известного теоретического положения о единстве закономерностей нормального и аномального развития [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Считается, что понятия «здоровье» и «болезнь» – это две важных стороны жизни, которые тесно связаны и глубоко взаимозависимы между собой. Их критерии и основные положения широко освещаются в литературе, при этом более узкие определения понятия «здоровье» чаще всего соотносятся с возможностями не только с физиологической, но и психологической адаптацией к среде. Теория адаптации приводит к более содержательному суждению о таких понятиях как «здоровье–нездоровье–болезнь», что связано с установлением как критериев нормы («здоровье»), так и патологии («болезнь»), которая рассматривается как специфичный и в то же время индивидуальный континуум* различных изменений, происходящих в онтогенезе. Хотя здоровье представляет собой состояние противоположное болезни, оно может быть связано с ней различными переходными состояниями, которые не имеют четких границ. Особенно это характерно для такой сложной проблемы как психическая норма и психическая патология. Разнообразие определений этих переходных состояний, относящихся к понятию непатологических (пограничные психические расстройства, донозологические нарушения, минимальные психические дисфункции в виде реакций, акцентуаций, психосоматических расстройств) изменяют поведение человека и затрудняют его нормы адаптивного поведения. Следует заметить, что понятие «патология» более широкое, чем понятие «болезнь». Патология – это не только болезнь, но и различные состояния отклоняющиеся от нормы, не имеющие активных патологических изменений (динамических и процессуальных). Понятие «патология» включает патологические реакции, процессы, состояния и развития.

Вместе с тем современные данные о здоровье всё больше подтверждают то положение, что именно в детском возрасте закладываются многие пожизненные свойства здоровья и состояния риска, и даже субклинические дебюты многих хронических заболеваний людей взрослого и пожилого возраста. Данное положение находит своё отражение в основной массе научных публикаций и определений здоровья, которые посвящены в основном взрослому человеку, и носят нередко сугубо методологический и философский характер.

С учётом этих особенностей в здравоохранении появился и такой термин, как «практически здоровый человек». Этот термин применяется в тех случаях, когда наблюдаются патологические нарушения, не сказывающиеся на самочувствии и не отражающиеся на работоспособности и адаптации.

В этом контексте современное понятие здоровья в здравоохранении определяется как «мера длительной физической, эмоциональной, умственной и социальной способности человека справляться с воздействиями окружающей среды. Хорошее здоровье сложнее

* Континуум – (лат. continuum – непрерывное, сплошное) – непрерывное многообразие или непрерывное единство чего-либо.... заключённого между двумя какими-либо действиями, событиями, эпизодами, фактами.

определить, чем плохое (которое, как правило, приравнивают к болезни), потому что такое определение должно передавать более позитивную концепцию, чем простое отсутствие болезни» [10, с.297]. Не случайно сегодня в науке существует два подхода к пониманию состояния здоровья: негативный (нозоцентрический) и позитивный (саноцентрический). Именно негативное определение здоровья рассматривает последнее как простое отсутствие патологии и соответствие норме. Здесь норма рассматривается как синоним здоровья, а патология – болезни. Позитивное определение здоровья не сводит последнее к простому отсутствию болезни, а пытается раскрыть его автономное от болезни содержание [11; с.223].

С этих позиций был заложен комплексный социологический подход к определению «здоровья» в Уставе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в 1948 г. *Здоровье — это не только отсутствие болезни или дефектов, но и состояние полного физического, духовного и социального благополучия.* Кроме того, помимо самого определения, ВОЗ были сформулированы критерии оценки психического здоровья:

- осознание и чувство непрерывности, постоянства, идентичности своего физического и психического «Я»;
- чувство постоянства и идентичности переживаний в однотипных ситуациях;
- критичность к себе и своей психической деятельности и её результатам;
- адекватность психических реакций силе и частоте средовых воздействий, социальным обстоятельствам и ситуациям;
- способность самоуправления поведением в соответствии с социальными нормами, правилами, законами;
- способность планировать и реализовывать собственную жизнедеятельность;
- способность изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств.

Вместе с тем в отечественной литературе высказывается мнение о том, что указанные критерии нуждаются в доработке, так как непонятно, как эти критерии соотносятся между собой и сколько их необходимо, чтобы считать человека психически здоровым и т.д. [12; 13].

В педиатрической литературе вопрос о здоровье и нездоровье ребёнка нередко рассматривается в понятиях с точки зрения взрослого человека. Вместе с тем замечается, что суждения о детском здоровье должны учитывать большее количество характеристик различных уровней, а все определения «здоровья», принятые в медицине взрослого периода жизни, должны в применении к детям иметь обязательные дополнения, характеризующие уровень и свойства развития ребёнка. В качестве такого варианта известными отечественными педиатрами [14, с. 66] предлагается следующая формулировка: *«Здоровье ребёнка — это ещё и констатация оптимальности всех направлений развития, его гармоничности и адекватности по темпу, а также наличие факторов и условий для оптимального последующего развития — гарантии достижения к взрослому периоду жизни самых высоких биологически детерминированных уровней физического, интеллектуального и нравственного совершенства, а также возможности длительной, безболезненной и социально плодотворной жизни».*

Как считают специалисты «медицины детства», детство — это период активного «деланья здоровья» на всю последующую жизнь. И это «деланье» должно исходить от взрослых — семьи, детского здравоохранения, института социальной защиты семьи и детства. Выделяя ведущие компоненты или направления эффективных профилактических мер формирования физического и психического развития ребёнка как будущего взрослого человека, авторы выделяют четыре группы факторов, обеспечивающих его нормальное (оптимальное) развитие. С их точки зрения ребёнок нуждается: в любви, психологической поддержки и уважении; в комплексе мер защиты; в «материальном» обеспечении процесса роста и развития (оптимальное, многокомпонентно сбалансированное питание); в мерах по стимуляции физического развития (формы и методы сенсорной стимуляции, интеллектуальные и эмоциональные дозируемые нагрузки, соответствующие возрасту, проблемы и стрессы в ходе интенсивного и непрерывного обучения).

Несомненно, наличие явных признаков заболевания должно быть маркером нездоровья. В то же время в определении «здоровья–нездоровья» следует учитывать и такие

признаки, которые носят сугубо транзиторный характер, не снижая возможностей адаптации к среде.

Объяснение здоровья как взаимодействие его составляющих физиологического и психического здоровья отражает современную биопсихосоциальную парадигму*. Как свидетельствует ВОЗ (2001), в последнее время всё в большей степени становится очевидным, что нормальные функции, связанные с психическим здоровьем, имеют физиологическую основу и в значительной мере опосредованы с физическими и социальными функциями. Этот принцип заложен в понимание психического здоровья — *психическое здоровье, как и психическая болезнь, является результатом сложного взаимодействия между биологическими, физиологическими и социальными факторами.*

При этом понятие «психической болезни» рассматривается как *заболевание всего организма с преимущественным поражением мозга и нарушением мозговой деятельности, выражается в искаженном, неправильном, неадекватном восприятии и осмыслении объективной действительности, влечет за собой неправильное поведение больного, затруднение приспособления к среде, в которых чаще всего и проявляется.*

В то же время в Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) психическая болезнь понимается как заболевание преимущественно головного мозга, при котором страдает отражательно-познавательная деятельность, в результате чего развивается временное или постоянное нарушение социальной (в том числе производственно-трудовой и семейной адаптации). Все психические нарушения протекают на психотическом, невротическом и психопатическом уровне. При этом во всей классификации используется термин психическое расстройство, под которым подразумевается болезненное состояние с психопатологическими или поведенческими проявлениями, связанное с нарушением функционирования организма в результате воздействия биологических, социальных, психологических, генетических, физических или химических факторов. Оно определяется степенью отклонения от взятого за основу понятия психического здоровья. В.Я. Семке [15] предлагает рассматривать «психическое здоровье» как состояние динамического равновесия личности с окружающей её природой и общественной средой, когда все заложенные в её биологической и социальной сущности особенности проявляются наиболее полно, а все жизненно важные подсистемы функционируют с оптимальной интенсивностью.

Хотя здоровье представляет собой состояние противоположное болезни, оно в то же время может быть сопряжено с ней различными переходными состояниями, которые не имеют чётких границ, к ним относятся, прежде всего, пограничные состояния.

Каждое заболевание характеризуется определённой симптоматикой. Пограничные психические расстройства подразделяют на невротические, психопатические, функциональные и органические.

В детской психиатрии и клинической психологии высказано положение, что между симптомами болезни и проявлениями дизонтогенеза существуют определённые пограничные состояния в виде так называемых «*возрастных симптомов*», возникновение которых связано с онтогенетическим уровнем реагирования на ту или иную вредность [16; 17]. Данные симптомы более характерны для возраста (возраст-зависимые), чем для заболевания и могут наблюдаться при самой разнообразной патологии дизонтогенетического развития, в том числе в клинике органических поражений головного мозга (пограничных психических расстройств, психосоматических состояний и др.). Эта патология взаимосвязана с возрастным фактором, специфичным для нарушений в детском возрасте в виде изменений общей и нервной реактивности. Этот фактор с позиций эволюционно-динамического подхода к возрастным закономерностям как онтогенеза, так и дизонтогенеза обуславливают теорию периодизации индивидуального развития, как поэтапный переход от одного качественного состояния к другому. Известно, что возрастные симптомы, отражая патологически изменённую фазу развития, определяют клиническую

* Парадигма (греч. παράδειγμα, «пример, модель, образец») — совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая научным сообществом и объединяющая большинство его членов. Обеспечивает преемственность развития науки и научного творчества.

специфику, характерную для заболевания, его вызвавшую. Наряду с этим изучение возраст-зависимых симптомов, лежащих на стыке между симптомами болезни и дизонтогенеза, может дать ценные результаты для изучения закономерностей нарушений развития.

Наряду с этим каждый этап онтогенеза в научной литературе рассматривается как переход от одного качественного состояния организма к другому. В клинико-психологическом аспекте — это нарастание психологического содержания личности; в медико-биологическом — это созревание высших психических функций, определяющих общее движение развития. Всякий ребёнок имеет свой путь развития, что следует считать его индивидуальной особенностью.

В.В. Ковалёв [6; 16] высказал мысль о том, что патогенетическую основу психических расстройств, преимущественных для разных периодов детского и подросткового возрастов составляет сменность качественно различных уровней патологического нервно-психического реагирования на различные вредности. Им были выделены, теоретически обоснованы и наполнены прикладным содержанием четыре функциональных уровня: соматовегетативный (0–3 года), психомоторный (4–10 лет), аффективный (7–12 лет) и эмоционально-идеаторный (12–16 лет).

Предлагаемая концепция «возрастных уровней преимущественно патологического нервно-психического реагирования» на различные вредоносные факторы окружающей среды в детской психиатрии и клинической психологии имеет важное значение не только для решения клинико-диагностических задач, но и позволяет оценить взаимоотношения между отдельными расстройствами с онтогенетических (эволюционно-динамических) позиций.

Эта концепция допускает определённую возрастную последовательность возникновения патологических проявлений при дизонтогенетическом развитии, что и отражается в клинической этапности развития ребёнка. Возрастной фактор как фактор внутренних условий с изменениями общей и нервной реактивности при многих патологических проявлениях может не только облегчать возникновение психических заболеваний, но и выступать в качестве патогенетической основы. К этому возрастному фактору специалисты относят определённые так называемые «критические периоды» онтогенетического развития. Г.Е. Сухарева [17] называет их «критическими периодами возрастной ранимости». Согласно мнению ведущих детских психиатров, к этим критическим периодам относят возраст 2–4 года — первый возрастной критический период, 7–8 лет — второй период, 12–15 лет — третий, или пубертатный (подростковый) критический период.

В психологической литературе существует мнение, что при всей важности выделения отдельных уровней нервно-психического реагирования и последовательности их смены в онтогенезе необходимо учитывать известную условность такой периодизации, так как отдельные проявления не только сменяют и отодвигают друг друга, но на разных этапах сосуществуют в новых качествах, формируя новые типы клинико-психологической структуры нарушений.

Как известно, в формировании структуры дизонтогенетических нарушений большое место принадлежит самим клиническим проявлениям и их симптоматике, а симптомы нарушений тесно связаны с локализацией поражения, временем его возникновения и с той или иной выраженностью остроты его течения, а также с их этиологией и патогенезом. В этом проявляется соотношение симптомов дизонтогенеза и признаков болезни, которые при болезни могут проявляться негативными и продуктивными симптомами, рассматриваемыми, как правило, чаще с позиций психиатрической науки и практики и в основном с позиций детской психиатрии.

Известно, что в психиатрии к негативным симптомам относятся явления «выпадения» психической деятельности: снижение интеллектуальной и эмоциональной активности. При этом основные трудности клинической и клинико-психологической диагностики в детском возрасте определяется во многом в том, что негативные симптомы трудно разграничить от явлений дизонтогенеза, при котором «выпадение» функций может быть обусловлено просто нарушением её развития или задержкой созревания. Если говорить о продуктивных болезненных симптомах, то они скорее указывают на остроту болезни, и в детском возрасте играют большую роль в формировании самой аномалии развития.

Следует заметить, что до настоящего времени нерешённым и принципиальным при обсуждении данной проблемы остаётся вопрос о том, какие системы следует считать определяюще значимыми для человеческого здоровья, которые не создаются только условиями воспитания. Условием их принятия и, следовательно, их предписаниям обладает только нормально сформировавшийся мозг и психика, что в большей степени отражает общий уровень здоровья человека. Так, было выяснено, что болезни, голодание и просто заброшенность детей в семьях социального риска приводят к несформированности интеллекта и мышления, и, наоборот — к гипертрофии нетерпимости и агрессивности поведения, закладываемых на всю оставшуюся жизнь.

Большой ребёнок не может считаться здоровым, а оценка детского нездоровья должна опираться на большее количество характеристик разных уровней, то есть особенностей, достаточных для снижения жизненных возможностей или качества и количества жизни ребёнка, с одной стороны, и особенностей, имеющих значение для принятия врачебных решений и рекомендаций, направленных на улучшение прогноза качества и количества жизни — с другой. А.В. Мазурин и И.М. Воронцов, [14] обращают внимание на то, что термин «качество жизни», появился в педиатрической литературе в 80-х годах прошлого столетия, когда впервые была поставлена задача сделать больного человека достаточно дееспособным для самообслуживания в форме полноценности или качества жизни, даже несмотря на присутствие заболевания. По мнению акад. В.Я. Семке [15], концепция «качества жизни» (КЖ) составляет важное понятие в современной валиопсихологии* и превентивной психиатрии. Под качеством жизни он понимает достигаемость желаемого и удовлетворение достигнутым. С этих позиций выделяются субъективные (полученные на основе самоотчётов обследуемых) и объективные критерии качества жизни. Первая группа параметров, представлена оценкой эмоциональной удовлетворённости жизнью, самочувствием, общением в семье, с друзьями, материального и физического достатка и т.д. В графическом отображении они показаны так называемой «Розой качества жизни».

В последние годы в отечественной психиатрической литературе как особая форма психического дизонтогенеза обсуждается понятие диатез[†], представляющий собой предрасположение к тем или иным психическим заболеваниям [18; 19]. Так, выявленные А.В. Горюновой, Г.В. Козловской, Н.В. Римашевской [20] особенности шизофренического дизонтогенеза были названы ими «шизотипическими» и отнесены к эндогенным психопатологическим проявлениям нарушенного онтогенеза, в основе которого лежит дисгармония психофизического развития.

Из всего сказанного можно заключить, что помимо доминирующего в клинической психологии, психиатрии и вообще медицине конструкта болезни (комплекс биопсихосоциальных причин – внутренний дефект – картина – следствия) имеются и другие – альтернативные – конструкты болезни. Во-первых, психические и поведенческие отклонения можно интерпретировать как выражение нарушенных процессов в системе социального взаимодействия. Во-вторых, психические и поведенческие отклонения можно рассматривать не как проявление внутреннего дефекта, а как крайнюю степень выраженности отдельных психических функций или паттернов поведения у конкретных индивидов. В-третьих, психические и поведенческие отклонения могут быть рассмотрены как следствие задержки естественного процесса личностного роста (вследствие фрустрации основных потребностей, ограничений в социальном функционировании, индивидуальных различий в способностях разрешать возникающие личностные и социальные проблемы).

Заключение

Таким образом, следует признать, что в настоящее время граница между состояниями здоровья и болезни, нормы и патологии, а также видение причин отклонений от норм

* Валиопсихология — наука, изучающая психологические и клинические основы здоровья и разрабатывающая на этой базе принципиально новые режимы поддержки и реабилитации.

† Диатез (греч. *diathesis* — склонность к чему-либо, предрасположение) — аномалия конституции, характеризующаяся предрасположенностью к некоторым болезням или неадекватным реакциям на обычные раздражители.

устанавливаются произвольно в соответствии в доминирующей в обществе и науке моделью болезни.

При этом, биопсихосоциальная модель оказания помощи больным с нервно-психическими расстройствами с включением медико-биологического, психолого-педагогического, социального аспектов, позволяет повысить эффективность полидисциплинарной помощи, направленной на превенцию, своевременную диагностику лечения и реабилитацию с оценкой всех факторов не только биологических, но и личностно-психологических и социально-психологических, играющих важную роль в формировании нервно-психических и психосоматических расстройств и с учетом диагностических критериев категорий МКБ-10.

Концепция комплексного, патогенетически обоснованного, полипрофессионального подхода к оценке этиологии и патогенеза психической патологии приводит к более адекватному объяснению природы этой патологии, и общей оценке нарушений всех уровней.

Примечания:

1. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология. СПб. «Питер», 2004. С. 43.
2. Блонский П.П. Педология. М., Учпедгиз, 1934. С. 66.
3. Выготский Л.С. Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства: Собр. соч. в 6 т. Т.5. М., 1983.
4. Дубровина И.В. Об индивидуальных особенностях школьников. М., 1975. С. 28.
5. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М., 1986. С. 54.
6. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста: Руководство для врачей. Изд. 2-е. М.: Медицина, 1995. 560 с.
7. Лебединский В.В. Нарушения психического развития у детей. М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. 166 с.
8. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М., 1973.
9. Сухарева Г.Е. Клинические лекции по психиатрии детского возраста: В 3 т. Т. 1. М.: Медгиз, 1955. 458 с.
10. Большая иллюстрированная энциклопедия: в 32 т. Т. 10. М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 297.
11. Середина И.В., Шкуренко Д.А. Основы медицинской психологии. Ростов н/Д: Феникс, 2003. С.223.
12. Богачев, М.А. Проблемы психического здоровья в современном мире / М.А. Богачев, С.С. Одарченко // Онтогенетические аспекты психического здоровья: тезисы докладов научно-практич. конф. (Омск, 19–20 апр. 2010) / под ред. В.Я. Семке. Томск: изд. «Иван Фёдоров», 2010. С. 34–37.
13. Ганнушкин П.Б. Постановка вопроса о границах душевного здоровья // Ганнушкин П. Б. Избранные труды. М.: Медицина, 1964. С. 97–108.
14. Мазурин А.В., Воронцов И.М. Пропедевтика детских болезней. СПб.: ИКФ «Фолиант», 2000. С.66.
15. Семке В.Я. Клиническая персонология, Томск: МГП «РАСКО», 2001. 376 с.
16. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста: Руководство для врачей. М.: Медицина, 1979. 608 с.
17. Сухарева Г.Е. Клинические лекции по психиатрии детского возраста: В 3 т. Т. 1. М.: Медгиз, 1955. 458 с.
18. Ануфриев А.К. Феноменология психических нарушений у детей раннего возраста из группы риска по шизофрении / А.К. Ануфриев, Г.В. Козловская // Журн. неврол. и психиатр. им. С.С. Корсакова. 1985. № 6. С. 57–61.
19. Циркин С.Ю. Концептуальная диагностика функциональных расстройств: диатез и шизофрения / С.Ю. Циркин // Соц. и клин. психиатрия. 1995. № 2.
20. Горюнова А.В. К вопросу о нейро-психической дезинтеграции у детей раннего возраста из группы высокого риска по эндогенным психозам / А.В. Горюнова, Г.В. Козловская, Н.В. Римашевская // Проблемы шизофрении детского и подросткового возраста: труды Всесоюзного центра психического здоровья АМН СССР / Под общ. ред. акад. АМН СССР А.В. Снежневского. Т. III / Под ред. проф. М.Ш. Вроно. М.: 1986. С. 104–114.

References:

1. Karvasarskii B.D. Klinicheskaya psikhologiya. SPb. «Piter», 2004. S. 43.
2. Blonskii P.P. Pedologiya. M., Uchpedgiz, 1934. S. 66.
3. Vygotskii L.S. Diagnostika razvitiya i pedologicheskaya klinika trudnogo detstva: Sobr. soch. v 6 t. T.5. M., 1983.
4. Dubrovina I.V. Ob individual'nykh osobennostyakh shkol'nikov. M., 1975. S. 28.
5. Zeigarnik B.V. Patopsikhologiya. M., 1986. S. 54.
6. Kovalev V.V. Psikhatriya detskogo vozrasta: Rukovodstvo dlya vrachei. Izd. 2-e. M.: Meditsina, 1995. 560 s.
7. Lebedinskii V.V. Narusheniya psikhicheskogo razvitiya u detei. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1985. 166 s.
8. Luriya A.R. Osnovy neiropsikhologii. M., 1973.
9. Sukhareva G.E. Klinicheskie lektsii po psikhatrii detskogo vozrasta: V 3 t. T. 1. M.: Medgiz, 1955. 458 s.
10. Bol'shaya illyustrirovannaya entsiklopediya: v 32 t. T. 10. M.: AST: Astrel', 2010. S. 297.
11. Seredina I.V., Shkurenko D.A. Osnovy meditsinskoj psikhologii. Rostov n/D: Feniks, 2003. S.223.
12. Bogachev, M.A. Problemy psikhicheskogo zdorov'ya v sovremennom mire / M.A. Bogachev, S.S. Odarchenko // Ontogeneticheskie aspekty psikhicheskogo zdorov'ya: tezis dokladov nauchno-praktich. konf. (Omsk, 19–20 apr. 2010) / pod red. V.Ya. Semke. Tomsk: izd. «Ivan Fedorov», 2010. S. 34–37.
13. Gannushkin P. B. Postanovka voprosa o granitsakh dushevno go zdorov'ya // Gannushkin P. B. Izbrannye trudy. M.: Meditsina, 1964. S. 97–108.
14. Mazurin A.V., Vorontsov I.M. Propedevtika detskikh boleznei. SPb.: IKF «Foliant», 2000. S.66.
15. Semke V.Ya. Klinicheskaya personologiya, Tomsk: MGP «RASKO», 2001. 376 s.
16. Kovalev V.V. Psikhatriya detskogo vozrasta: Rukovodstvo dlya vrachei. M.: Meditsina, 1979. 608 s.
17. Sukhareva G.E. Klinicheskie lektsii po psikhatrii detskogo vozrasta: V 3 t. T. 1. M.: Medgiz, 1955. 458 s.
18. Anufriev A.K. Fenomenologiya psikhicheskikh narushenii u detei rannego vozrasta iz gruppy riska po shizofrenii / A.K. Anufriev, G.V. Kozlovskaya // Zhurn. nevrol. i psikhiatr. im. S.S. Korsakova. 1985. № 6. S. 57–61.
19. Tsirkin S.Yu. Kontseptual'naya diagnostika funktsional'nykh rasstroistv: diatez i shizofreniya / S.Yu. Tsirkin // Sots. i klin. psikhatriya. 1995. № 2.
20. Goryunova A.V. K voprosu o neuro-psikhicheskoi dezintegratsii u detei rannego vozrasta iz gruppy vysokogo riska po endogennym psikhozam / A.V. Goryunova, G.V. Kozlovskaya, N.V. Rimashevskaya // Problemy shizofrenii detskogo i podrostkovogo vozrasta: trudy Vsesoyuznogo tsentra psikhicheskogo zdorov'ya AMN SSSR / Pod obshch. red. akad. AMN SSSR A.V. Snezhnevskogo. T. III / Pod red. prof. M.Sh. Vrono. M.: 1986. S. 104–114.

УДК 1.159.972

**Содержание категорий «норма-патология» и «здоровье-болезнь»
в контексте клинической психологии**

Геннадий Буторин

Челябинский государственный педагогический университет, Российская Федерация
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69

Аннотация. В представленной работе предпринята попытка теоретически переосмыслить существующие подходы к пониманию важнейших понятийных континуумов для детской психиатрии и клинической патологии. Считается, что понятия «здоровье» и

«болезнь» — это две важных стороны жизни, которые тесно связаны и глубоко взаимозависимы между собой. Хотя здоровье представляет собой состояние противоположное болезни, оно может быть связано с ней различными переходными состояниями, которые не имеют четких границ. Особенно это характерно для такой сложной проблемы как психическая норма и психическая патология. Не случайно сегодня в науке существует два подхода к пониманию состояния здоровья: негативный (нозоцентрический) и позитивный (самоцентрический). С одной стороны, в настоящее время граница между состояниями здоровья и болезни, нормы и патологии, а также видение причин отклонений от норм устанавливаются произвольно в соответствии с доминирующей в обществе и науке моделью болезни. С другой — концепция комплексного, патогенетически обоснованного, полипрофессионального подхода к оценке этиологии и патогенеза психической патологии может приводить к более адекватному объяснению природы этой патологии, и общей оценке нарушений всех уровней.

Ключевые слова: норма, патология, здоровье, болезнь, психическое развитие, адаптация, дизонтогенез.

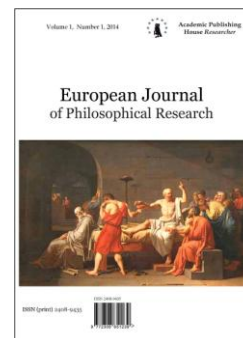
Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
ISSN: 2408-9435
Vol. 2, No. 2, pp. 98-101, 2014

DOI: 10.13187/ejpr.2014.2.98

www.ejournal17.com

UDC 1

The Attempt to Overcome the Time Dynamic Theory in Martin Heidegger`s Philosophy

Elizbar Elizbarashvili

Iakob Gogebashvili Telavi State University, Georgia
1, Kartuli University Str., Telavi
Doctor of Philosophy
E-mail: Elizbarashvilielizbar@Yahoo.com

Abstract

The article deals with the attempts to overcome dynamic theory of the classical philosophy of Martin Heidegger. The article shows how Heidegger tries to separate the existential and categorical understanding of time from each other, and by this bypass natural scientific understanding of time. In human being all three time modules becomes merged. The philosophers call this phenomenon "synthetic temporalities". The mentioned theory is subjective and does not say anything about real time independent from the consciousness.

Keywords: time; the concept of dynamic time; past-present-future; existential; "synthetic temporalities".

Введение

В истории человечества концепция динамического времени своевременно до конца не обосновывалась, и поэтому существование этого времени всегда считалось проблематичным. Мы, на протяжении истории мышления, имеем нескольких попыток преодоления динамической теории времени и установления времени другими способами. Основной проблемой, которая выявилась во время нашего анализа, было обосновывание реальности настоящего, которое и лишало фундамента всю теорию.

Методы исследования и использованный материал

При работе над статьей использованы тексты немецкого мыслителя – Мартина Хайдеггера. Используются также материалы периодической печати и монографическая литература [4-9]. В качестве метода исследования использованы парадигматический анализ исторического понятия времени и концепция динамического времени.

Обсуждение

Мартин Хайдеггер пошёл ещё дальше, когда ограничился только человеческим существованием времени, и это время принял за настоящее и первое время, откуда "вырастало" ежедневное-вульгарное понимание времени, из которого создаётся традиционное понятие времени, или же как называет Дильтей "физико-математическое" время.

У Мартина Хайдеггера есть Экзистенциальный, а не категориальный анализ времени. Он противоречил традиционной онтологии и указывал на два, по существу, различных

существования бытия в мире – категориальное и Экзистенциальное. Экзистенциальное – некатегориальное, не имеющиеся налицо как категориально-временное.

Хайдеггер начинает критический разговор с вульгарным понятием времени, и потом это продолжает Гегель в книге "Бытие и время" Он пишет: интерпретация времени (здесь, речь идёт об Аристотеле) шла по направлению понимания характера времени, когда время понимали как течение "настоящего", как "движение времени"... новые уходят и прошлые создают прошлое. Новые приходят и будущие определяют будущее". Время, в первую очередь появляется, как непрерывная последовательность настоящих [1. С. 614-26]. Хайдеггер продолжает вульгарное определение, определяет течение времени как последовательность безвозвратного друг-другу? [1. с. 629] и первое наследственное тематическое определение вульгарном понимании времени дано в физике Аристотеля (1. с. 633]. Потом, автор переходит на Гегеля и пишет, что анализ времени приведён во второй части "философской научной энциклопедии". Хайдеггер делает примечание о том, что не обязательно сделать сложный анализ для того, чтобы понять Гегеля, надо представить, что согласно его интерпретации он находится в вульгарной интерпретации времени [1. с. 637]. По мнению немецкого философа, понимание вульгарного времени происходит от первичного выравнивания времени [1. с. 600] и "первичное время конечное" [1. с. 492]. В связи с этими вопросами мы читаем в книге: Это искушение, конечность первичная и принадлежит будущему, а также и своевременность или "априори" считаются невозможными. Так как, это последнее хорошо понимает только бесконечное время, этим еще ничего не обосновано... Её безконечность [1. с. 491] – первичное время, откуда произошло вульгарное понимание времени, оно конечное и объединяет в единстве экстазы времени. Чтобы охарактеризовать "вульгарное понимание" и "время", мы должны искать в них чистое, безначальное и окончательное настоящее – экстатический характер первичного выравнивания времени. Хайдеггер выясняет "характерные феномены" будущего, повседневного и настоящего, которые мы называем экстазы времени.

Временность определяется до повседневности, которая в первый раз вышла из себя, временность существа своевременности, т.е. выявление в единстве экстазов [1. с. 489]. По мнению Хайдеггера "синтетическая темпоральность" – это "слияние различных времён", которое осуществляется только в человеческом бытии. Оно первичное, конечное время. Г. Маргвелашвили в книге – "Проблема финальности в онтологиях Николая Бартмана и Мартина Хайдеггера" (Тбилиси, 1983) – пишет, что экзистент владелец собственных способностей не так как на лицо являющееся существо, а как своеобразное чувство темпоральности; только такого экзистента, который сможет быть одновременно собственное прошлое (при возрождении его собственных возможностей) собственное будущее (в котором должны проектироваться те возможности) и собственное настоящее (в котором обязательна их реализация). Такое сложение времени в одно существо, знак того, что это существо является не категориально (не существует как на лицо являющееся существо, которое то раннее, то позднее, или пока ещё не существует или больше не существует), а экзистенциально, или точно так же, как категориальное не будет существовать во времени. [3. с. 17].

Наконец Хайдеггер делает вывод, что действительное первичное время это время, которое представляет "синтетическую темпоральность", или "слияние различных времён". В экзистенциале осуществлены заботы человеческого существа. Он пишет: "первичное онтологическое основание экзистенциального бытия – это временность, конец заботы, структурная целостность..." [2. С. 354].

Различные моменты вращающего экзистенциала – это взаимосвязанные различные модусы времени. Эти взаимосвязанные моменты полностью отличаются от того, что называют трёхмерным измерением объективного времени и создают оборотоимеющийся феномен; "фактичность" или "брошенность", – модус прошлого, модус настоящего – одержимость объектов, как в присутствии чего-то; модуса будущего – проект, который постоянно имеет влияние на нас. Исходя из этого, каждая модус времени получает некоторые качественные особенности, в отличие от физико-объективного времени, которое представляет равномерную непрерывную линию, создано из моментов "настоящего".

Хайдеггер отрицает, что в мире всё течёт по всеобщему потоку. С помощью экзистенциального времени существует временность человеческого существа.

Синтетическое время экзистенциальности, которое является конечным, в нем скомбинированы все модусы экзистенциала в различном виде, имеются некатегориальные феномены. Хайдеггер привел *Canzseinkonnen* понятие, в котором мы должны подразумевать единство временной экзистенциальности, функциональный союз между его тремя главными экзистенциальными "временами", как и между его собственными потенциальными хранилищами [6. С. 324].

Следовательно, в философии времени Хайдеггера синтетическая темпоральность, слияние различных времён, которое соединил с человеческим существом, а конкретно с заботой экзистенциала прошлого, настоящего и будущего, как против разделения. (представляет необходимость динамической теории). Динамическая теория признаёт только реальность настоящего, а "синтетическая темпоральность" Хайдеггера признаёт взаимосвязанность всех трёх модусов времени и их существование в едином. Это первичное время для Хайдеггера, которое основа для человеческого существа. "Синтетическая темпоральность" говорит, что все три модусы времени существуют во взаимосвязи, и, поэтому для нас она представляет попытку преодоления динамической теории. Несмотря на это она остаётся попыткой и не удаётся осуществить преодоление динамической теории, так как Хайдеггер отрицает реальное, мировое время, где течёт всеобщий объективный поток. Он стоит на том же пути, что и Бергсон и Дильтей, но идёт еще дальше. Для Хайдеггера, так как, и для вышеназванных мыслителей, местонахождение первично-настоящего времени строго ограничено в мире – это человеческое бытие. "Синтетическая темпоральность" Хайдеггера осталась отдельно от тех времён, которые нас интересуют – реальное, мировое время, существование и структура которой не определяют человеческое существо и её экзистенциалы. Динамическая теория времени в мировом объективном измерении совмещала в себе время, и только по одной теории можно было её преодолеть, которая также в объективное измерение основывала бы существование времени. Проще говоря, должна была быть теория, которая признавала бы, что существует объективное время, и кроме модуса настоящего, одновременно реальны как модусы прошлого, так и модусы будущего. Таким образом, динамическая теория времени, описанная нами в попытках преодоления, не была осуществлена успешно.

Выводы:

1. Динамическая теория времени в истории никогда не была до конца обоснована теоретически;
2. Проведенное исследование показало, что концепция времени в философии Мартин Хайдеггера в основном была направлена на преодоление динамической теории времени;
3. Философия времени Мартина Хайдеггера не могла осуществить преодоление динамической теории времени.

Примечания:

1. Мартин Хайдеггер. Бытие и время. Перевод Гурама Тевзадзе (на груз. яз.). Тбилиси, 1989.
2. М. Хайдеггер. Бытие и Время. Тбилиси, 1983.
3. Маргвелашвили Г. Проблема финальности в онтологиях Николая Бартмана и Мартина Хайдеггера (на груз. яз.). Тбилиси, 1983.
4. Философские проблемы исторической науки. М.: Наука. Москва, 1969.
5. Elizbarashvili E. The Attempt to Overcome Time Dynamic Theory in the Concept Of Eternal Return // European Researcher, 2014, Vol.(74), № 5-1. p. 837-841.
6. Heidegger Martin Sein und zeit. Tubingen, 1967.
7. Петрова С.В. Восток и Запад: два пути развития // История и историки в контексте времени. 2007. № 5. С. 122–136.
8. Малянова Н.А. Образы истории в контексте постмодернистской парадигмы // История и историки в контексте времени. 2005. № 3. С. 110–127.
9. Шапаренко В.В. Истоки цивилизационной парадигмы: историческая модель Н.Я. Данилевского в свете концепций О. Шпенглера, А. Тойнби и С. Хантингтона // История и историки в контексте времени. 2005. № 3. С. 191–206.

References:

1. Martin Khaidegger. Bytie i vremya. Perevod Gurama Tevzadze (na груз.яз.). Tbilisi, 1989.
2. M. Khaidegger. Bytie i Vremya. Tbilisi, 1983.
3. Margvelashvili G. Problema final'nosti v ontologiyakh Nikolaya Bartmana i Matrin Khaideggera (na груз.яз.). Tbilisi, 1983.
4. Filosofskie problemy istoricheskoi nauki. M.: Nauka. Moskva, 1969.
5. Elizbarashvili E. The Attempt to Overcome Time Dynamic Theory in the Concept Of Eternal Return // European Researcher, 2014, Vol.(74), № 5-1. p.837-841.
6. Heidegger Martin Sein und zeit. Tubingen, 1967.
7. Petrova S.V. Vostok i Zapad: dva puti razvitiya // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2007. № 5. S. 122–136.
8. Malyanova N.A. Obrazy istorii v kontekste postmodernistskoi paradigmy // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2005. № 3. S. 110–127.
9. Shaparenko V.V. Istoki tsivilizatsionnoi paradigmy: istoricheskaya model' N.Ya. Danilevskogo v svete kontseptsii O. Shpenglera, A. Toinbi i S. Khantingtona // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2005. № 3. S. 191–206.

УДК 1

Попытка преодоления динамической теории времени в философии Мартина Хайдеггера

Элизбар Элизбарашвили

Телавский государственный университет, Грузия
2200, г. Телави, ул. Картули Университетети, 1
Доктор философии
E-mail: Elizbarashvilielizbar@Yahoo.com

Аннотация. В статье рассматриваются попытки пересмотреть динамическую теорию в классической философии Мартина Хайдеггера. В статье показано, как Хайдеггер пытается отделить экзистенциальное и категориальное понимание времени друг от друга, и таким способом представить по-другому природное научное понимание времени. В бытие человека все три временных модуля сливаются воедино. Философы называют это явление «синтетическими темпоральностями». Описанная теория является субъективной и ничего не говорит о реальном времени, которое не зависит от сознания.

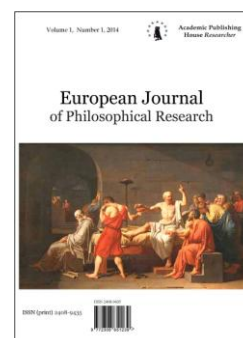
Ключевые слова: время; концепция динамического времени; прошлое – настоящее – будущее; экзистенциальный; синтетическая темпоральность.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
ISSN: 2408-9435
Vol. 2, No. 2, pp. 102-112, 2014

DOI: 10.13187/ejpr.2014.2.102
www.ejournal17.com

UDC 1 (101)

National Identity Under Globalization Challenges

Yury D. Granin

Russian Academy of Sciences, Bauman Moscow State Technical University, Russian Federation
Doctor of Philosophy, Professor
Leading researcher of Institute of Philosophy
E-mail: maily-granin@mail.ru

Abstract

The article analyzes the socio-philosophical concept of the term "globalization", the variety of historical forms of implementation of the humanity globalization, the threats to the national identity of the population across the world in the XXI century. The last are instigated not only near contemporary intellectual currents, but also by the objective formation of the mass multicultural environment of existence, the extension of which is caused by the action of the institutions of neo-liberal global economy and the spread of information technology, linking humanity by the means of anonymous power systems. To resist the symbolic violence of mass culture "global consumer", by the author's opinion, is capable the sensible public policy that combines tradition and modernity in the horizon of preservation of national identity.

Keywords: globalization; identity; modernization; modernism; postmodernism; symbolic violence.

Введение

История последних десятилетий, отмеченная клеймом финансово-экономической, политической и культурной глобализации человечества, поставила народы многих стран мира перед проблемой сохранения прежних и поиска новых идентичностей. Почти повсюду, отмечает Самюэль Хантингтон, люди задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих, пересматривают свои позиции, меняют точки зрения. Кто мы такие? Чему мы принадлежим? Японцы никак не могут решить, относятся ли они к Азии (вследствие географического положения островов, истории и культуры) или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный технический уровень. Иранцев нередко описывают как «народ в поисках идентичности», теми же поисками увлечена Южная Африка, а Китай ведет борьбу за национальную идентичность с Тайванем. В Сирии и в Бразилии также налицо «кризис идентичности» [15. С.34-35]. Такой же кризис, продолжает автор, испытывают Алжир, Германия, Турция, Мексика, Великобритания. В итоге, делает вывод Хантингтон, почти повсеместно, не исключая США и России, идет процесс «фрагментации национальной идентичности», которой «пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным» [Там же. С.36] из-за открытости границ и роста миграционных потоков, способствовавших образованию в пределах национальных государств инокультурных диаспор, не желающих интегрироваться в национальную культуру.

Не оспаривая общего вывода об угрозах политического и культурного единства состоявшимся нациям, которые несет современная модернизация и глобализация, следует подчеркнуть: национальная идентичность, конечно, может утрачивать значимость, но вряд ли она способна, как полагает Хантингтон, дробиться на составляющие. В современной литературе существует множество типологий и классификаций идентичности. Их подразделяют на «индивидуальные» и «групповые», «позитивные» и «негативные», «локальные» и «надлокальные», «фундаментальные» и «релятивные». Самыми фундаментальными признаются расовые, этнические, национальные и цивилизационные идентичности, связанные с антропологическими, языковыми, культурными и религиозными различиями людей.

Каждый индивид является носителем комплекса многочисленных, иерархически связанных идентичностей, часть из которых актуализируется вместе с изменением географического, политического и социокультурного пространства его жизни. Но поскольку процедуры индивидуальной идентификации осуществляются в чувственно-эмоциональной и когнитивной формах, включая в себя мысленное отнесение к «группе», содержание полученного в акте самосознания ответа на вопрос: «Кто Я (Мы)?» в полной мере зависит от ценностно-оценочных представлений и знаний о «Них». В конечном счете идентичности представляют собой индивидуальные и групповые конструкты – вербализованные результаты отнесения к «воображенным общностям» (Б. Андерсон), определяемые, в свою очередь, предшествующим воспитанием, образовательным и культурным «багажом» и наличествующим в данный момент «окружением»: политическими ландшафтами, информационными и культурными «пространствами», в которые индивиды и группы вынужденно помещены и в которых они существуют. Поэтому главные угрозы национальной идентичности в эпоху глобальных трансформаций исходят не только от потока инокультурных мигрантов, этнокультурного и политического сепаратизма. В современном мире интеллектуальные, политические и культурные вызовы национальной идентичности идут от целенаправленно развивающегося глобального экономического, политического и информационно-культурного (символического) «насилия». Властно формирующего «новые» – транснациональные (культурные и политические) идентичности, и реанимирующего «старые» архаичные (субнациональные, мифопоэтические, религиозные) идентификации, сочетания которых в индивидах и группах весьма причудливы, экзотичны и разнообразны. В той мере, в какой разнообразны экономические, политические и культурные параметры жизни государств и народов, включенных в глобализацию – всемирно-исторический процесс, содержание которого требует концептуальных уточнений.

Результаты

Не смотря на то, что термин глобализация стал систематически использоваться лишь с конца 1980-х годов, уже спустя десятилетие И. Бартелсоном был отмечен парадокс: хотя никому не понятно, что собой представляет глобализация, никто не сомневается в её реальности. По существу, отмечал Д. Маршалл, каждый автор вкладывает в него свой собственный смысл [18. Р.214-215], содержание которого, добавим, варьируется в зависимости от идеологических предпочтений и дисциплинарной принадлежности исследователя. С тех пор ситуация принципиально не изменилась. Сейчас в научном сообществе сосуществуют, конкурируя между собой, «универсально - эволюционистский», «синергетический», «мир-системный», «социокультурный», «социоэкономический», «техницистский», «модернистский», «геоэкономический» и ряд других междисциплинарных подходов к изучению глобализации, каждый из которых опирается на различные концептуализации сущностных характеристик и движущих сил истории человечества. [7.С.4]. Во многих работах эти подходы совмещаются или пересекаются, увеличивая онтологическое разнообразие и методологический плюрализм совокупного научно-рационального дискурса о глобализации, создавая барьеры «непонимания» между исследователями. Преодолеть их, по мнению автора, можно за счет выхода в трансдисциплинарную область исследований - сферу классической социальной философии, и, шире, философии истории. Интерпретирующих социальную историю вида *homo sapiens* не как поле действия неких безличных «сил» или «систем», а как процесс, реализующийся в социально и культурно оформленной совместной (предметно-практической и духовной)

целесолагающей деятельности сплоченных в группы и общества людей, целостность и единство которого обеспечивается «вплетенным» в него сознанием.

Это означает недопустимость изучения глобализации вне связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрений и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных коллективных субъектов истории, подвергающихся в процессе миграций, торговых, финансово-экономических, военно-политических и духовно-культурных взаимодействий разнообразным трансформациям и поглощениям, в ходе которых образуются новые, численно и пространственно более крупные социальные, политические и социокультурные антропосоциальные целостности: объективно и субъективно-символически интегрированные в «общества» (социумы), «государства» и «цивилизации» объединения индивидов. Известная нам история – нелинейный процесс обуславливающих друг друга тенденций дифференциации и интеграции образующих человечество антропосоциальных целостностей, его (человечества) структурного усложнения и, одновременно, становления его целостности и единства.

Следовательно, глобализация может быть интерпретирована как *мегатенденция* к поэтапному объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в потенциально возможную глобальную (планетарную) общность, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций исторически конкретных антропосоциальных (т.е. культурно, политически и экономически связанных) целостностей. В этом случае «глобализация» не редуцируется к ее географическому аспекту: отмечаемому многими исследователями пространственному распространению людей, артефактов, символов и информации за пределы регионов и континентов посредством установления транспортных, торговых и иных коммуникаций. Она включает его, но понимается как сопутствующая этому процессу и детерминирующая его предметно-практическая и духовная организация/реорганизация внешнего и внутреннего социального (экономического, политического и иного) пространства совместной жизни интегрированных и интегрирующихся в социумы («роды», «племена», «этносы», «нации»), государства и цивилизации индивидов, сопровождавшаяся, не взирая на постоянную борьбу за ресурсы, выработкой глобализирующих мир и человечество философских и религиозных представлений, установлением трансъисторических («всеобщих») экономических, политических и правовых норм и институтов совместной жизни. Формирование, трансформация и географическое распространение социальных общностей имманентно глобализации человечества, выражая субъектную составляющую этого процесса.

В качестве мегатенденции к поэтапному объединению человечества глобализация реализуется по всему спектру отношений и взаимодействий между интегрированными и интегрирующимися в социокультурно, экономически и политически различные антропологические целостности индивидами. Поэтому ее можно рассматривать и как совокупность процессов «экономической» (торговой, финансовой, производственной и др.), «политической» (военной и дипломатической) и/или «культурной» (религиозной, идеологической, научно-технической и др.) глобализации, осуществлявшихся с разной скоростью, последовательностью и успехом в разных местах и разные исторические эпохи. Важно не забывать и постоянно иметь в виду взаимосвязь, пространственно-временную динамику и незавершенность этих процессов. В длительной исторической ретроспективе глобализация всегда выступала и как последовательность сменяющих друг друга стадий, и как совокупность сосуществующих и сменяющих друг друга исторических форм.

Стадиям глобализации как всемирно-исторического процесса соответствуют преобладающие в тот или иной период времени формы антропосоциальных целостностей, существование и доминирование которых, в первую очередь, обусловлено изменениями в способах и характере общественного производства материальных и духовных ценностей, уровня его технико-технологического развития. Поэтому «предысторию» глобализации можно датировать началом перехода от присваивающего к производящему хозяйству, начало ее первой стадии - Осевым временем, начало второй – ранним Новым временем, начало третьей – серединой 1970-х годов. Каждая из этих стадий характеризуется наличием однотипных, но содержательно не тождественных - финансово-экономических, военно-административных и социокультурных - процессов интеграции лингвистически,

конфессионально и культурно разных людей в новые, пространственно и численно более обширные социальные целостности и реорганизации внешней для них социальной среды (пространства) совместного с другими сосуществования. Различие стадий заключается в значимости и порядке действия каждого из выделенных в отдельный процесс механизмов социальной интеграции и трансформации пространства совместной жизни.

Реконструированная таким образом «историческая логика» развития глобализации человечества хорошо согласуется со всеми основными социологическими парадигмами и выстроенными в соответствии с ними периодизациями истории. Вместе с тем понятие «стадия» основывается на представлении о линейном характере процесса глобализации, действительность которого, как уже отмечалось, характеризуется нелинейным характером сосуществования и смены ее исторических форм. Источником образования которых обычно оказывалась пространственная и сопутствующая ей политическая, экономическая и культурная экспансия выходящих на авансцену региональной истории социумов, а содержанием – исчезновение, поглощение и/или трансформация сталкивающихся антропосоциальных целостностей в территориально и численно более обширные интегративные образования, изменение географического масштаба и инфраструктуры взаимодействий между ними и формирование всякий раз иначе организованного, но постоянно расширяющегося, внешнего (международного) и внутреннего (государственного) социального пространства совместной жизни народов на основе той или иной цивилизационной модели развития*. История человечества никогда не была «улицей с односторонним движением», неизбежно ведущим к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития. Соответственно и глобализация как одна из ее тенденций была (и остается) результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных цивилизационных моделей развития.

Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций. Политической формой существования которых в большинстве случаев была «империя», оказывавшаяся на каждой из выделенных стадий глобализации мощнейшим политическим средством «переплавки» и ускорения процесса интеграции лингвистически, религиозно и культурно разных элит и населения имперских территорий. Так, параллельно и сменяя друг друга в качестве лидеров, на просторах Евразии формировались и развивались «китайская», «индийская», «эллино-македонская», «римская», «арабо-мусульманская», «западноевропейская» и «евро-атлантическая» формы и векторы глобализации, соответствующие им «полюсы» регионального и межрегионального развития.

Ни одна из исторических попыток глобализации человечества не увенчалась полным триумфом. Но каждая способствовала экономическим, политическим и культурным трансформациям населяющих регионы социумов, увеличивала число и протяженность транспортных, торгово-экономических, политических и информационно-культурных «сетей» и коммуникаций, содействовала переносу за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни, распространению знаний и артефактов. Наиболее масштабной и успешной была выросшая из западноевропейской евро-атлантическая форма глобализации, завершившая процесс становления всемирной истории: превращения локальных историй первобытных и постпервобытных (кочевых и аграрно-ремесленных) обществ, политически оформленных в ранние государства и их аналоги, в региональную историю древних и средневековых этнических государств и империй, а затем – и во всемирную историю наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй, связавших человечество не только силою

* В данном случае под «цивилизационной моделью» понимаются формы и институты политического, экономического, социального и культурно-духовного развития, самостоятельно выработанные народами (группой народов), заимствованные ими или навязанные им в процессе колонизаций и завоеваний.

государственных форм территориального контроля, но и создавшими новые «анонимные» системы власти: транснациональные организации и многонациональные корпорации.

Становление и развитие евро-атлантической формы глобализации было связано не только с появлением и распространением в пределах и за пределы Европы в XVII–XIX столетиях новых форм и институтов экономического развития, но и с формированием и распространением новых политических форм общежития и новых социальных общностей: «национальных государств» и «наций» [8]. По сути эта историческая форма глобализации представляла собой «модернистский проект» – была органически связана с идеалами Просвещения, гарантирующих оптимальное – национальное – устройство пространства совместной жизни лингвистически, конфессионально и культурно разных народов в Европе и за ее пределами не на основе традиций, а на основе рационально сформированных общей «памяти», общих «ценностей» и общей «судьбы». Однако проект модернизма, с характерным для него обожествлением и верой во всемогущество человеческого разума, уже в конце XIX века был сначала подточен ницшеанством, подорван двумя мировыми войнами, тоталитаризмом и структурализмом в первой половине XX века и почти совсем разрушен во второй половине XX столетия культурным и философским постмодернизмом.

Оформившийся в 1960-х в результате кризиса западных либеральных демократий, студенческих «революций» в Западной Европе, борьбе за права и свободы расовых меньшинств в США, с одной стороны, и деколонизации мира, с другой, постмодернизм бросил интеллектуальный вызов не только национальной идентичности и национальным формам общежития. Под сомнение были поставлены интеллектуальные и культурные скрепы всей претендующей на глобальное господство евро-атлантической цивилизации: классическая наука, с ее пафосом рационального познания мира и презрением к религиозным догмам и суевериям, и культура модерна, с ее вниманием к общечеловеческим ценностям и классическим образцам. В социальных науках упор был сделан на отказ от парадигмальных образцов естествознания, логоцентризм и равноправность дискурсов любого рода, а в культуре – на ее плюрализацию, виртуализацию и визуализацию. Модернистской установке на искусственную гомогенизацию, «выравнивание» социокультурного пространства постмодерн противопоставляет якобы естественную плюральность последнего: растущее множество отдельных и вполне конкурентоспособных образований – «картин мира», идеологий, мировоззрений, научных парадигм, политических, экономических и культурных практик, образов жизни и т.п. Тем самым в культурное пространство современного Запада возвратились, казалось бы, давно вытесненные из него архаичные дискурсы и практики: мифы, древние формы религиозных культов, алхимия, астрология, магия. Вырос интерес к противопоставляемой национальной расовой и этнической реальности, маргинальным объектам и ситуациям – языку, фольклору, быту, традициям и обычаям, «безумию», «порнографии», «однополым бракам» и «сексуальному насилию».

В результате использования характерных для постмодернизма интеллектуальных стратегий децентрации и деконструкции разрушению подвергается выстроенное наукой в эпоху модерна западоцентричное (евро-атлантическое) представление о характере становления и эволюции всемирной истории: ее разделение на политически, экономически и культурно «развитый» Центр (Запад) и «догоняющие» его «периферию» и «полупериферию». В исторических и социальных науках появилось мощное интеллектуальное направление «реориентализма», объявившее о необходимости выхода за пределы абстрактного универсализма и «логики евро-атлантической современности» (отмеченной колониализмом и имперским различием) в пространство «глобальной истории», «контр»- и «транс»- современности. Позволяющее, будто бы, создавать не менее эффективные, чем евро-атлантические, «эпистемы» анализа, теоретические проекты и модели развития, ведущие, как считают, постепенно к созданию иной – нерепрессивной по отношению к «отставшим» народам – глобализации.

В этой связи имеет смысл зафиксировать два наблюдения. Вряд ли кто усомнится, что в русле реориентализма/постмодернизма были достигнуты впечатляющие результаты. Парадигма «транс-субъектности» Глории Ансальдуа, феномен «межсекционности» (связанный с пересечением и слиянием в опыте небелых женщин расовой дискриминации с гендерной, классовой и сексуальной), проанализированный афроамериканкой Кимберли Креншоу, концепции «преодоления хюбриса нулевой точки» колумбийца С. Кастро-Гомеса

и «трансмодерности» Э. Дуссея, концепция «ситуативных знаний и идентичностей» Д. Харрауэй, методология «порабощенных» Челы Сандоваль и «игровая идентичность» М. Лугонес, концепция «реляционной этики и идентичности» сапатистов и плюралистическая герменевтика В. Миньоло – появление этих концепций и их презентация далекому от гендерных и постколониальных исследований читателю, безусловно, расширили и обогатили пространство интеллектуального поиска.

Вместе с тем настораживает безоговорочное отторжение отечественными адептами постмодернистской философии и методологии модернистского дискурса. Они пишут о наличии в нем «европейских имперских категорий», которые, якобы, «современная эпистемология вышвырнула как ненужные», об отсутствии в нем «оригинальных мыслительных традиций, к которым можно было бы вернуться», призывают к размежеванию с риторикой модерности, к акту «эпистемологического неповиновения». «Без этого шага, – читаем в статье В.М. Тлостановой, – деколонизация сознания и бытия окажется невозможной, и мы останемся в рамках внутренней оппозиции европоцентричным идеям модерности» [12. С.216]. Но вот если мы сделаем этот шаг, научившись «забывать все то, чему нас учили прежде, освободиться от мыслительных программ, навязанных нам образованием, культурой, средой, отмеченной имперским разумом», тогда, продолжает автор, изменится «география и биография разума и знания, возникнет транс-эпистемологическое взаимопроникновение и полилог», которые будут способствовать созданию транс-модерного мира, где «не будет господствовать идея агона как смертельного соревнования» [Там же. С. 216-217].

Неужели автор всерьез полагает, что неравенство, дискриминация и борьба в современном мире вызываются только наличием «мыслительных программ», отмеченных имперским разумом, отсутствием взаимопонимания и «полилога» между людьми, народами и государствами? Если так, это типично модернистское утверждение просветительского толка. А кроме того миллиарды людей на Земле живут, не подозревая о «пограничном гносисе, связанном с плюритопической герменевтикой». К кому же тогда обращены эти призывы? К философам? Но если бы вдруг во главе всех правительств стали, не дай Бог, философы, то и тогда полилог бы не состоялся в силу различия теоретических позиций и личных пристрастий. Но продолжим.

Не вдаваясь в нюансы научных споров ориенталистов и реориенталистов, любопытно отметить, что последние тяготеют к идее «критического космополитизма», якобы преодолевающего «культурный империализм» современной (евро-атлантической) формы глобализации, историческими субъектами которой, как уже отмечалось, выступали и выступают ведущие национальные государства Запада и созданные при их покровительстве и поддержке крупнейшие ТНК. Поэтому в их работах «нации» и «национальные государства» объявляются устаревшими формами общежития. И в этой оценке с ними солидарны, объявляющие «нации» и «национализм» фиктивными теоретическими конструкциями Р. Брубейкер, Э. Гидденс, К. Вердери и другие представители европейского «неоконструктивизма», неолиберальные политики и экономисты (К. Омаэ, Дж. Сорос, Зб. Бжезинский), многочисленные политологи и некоторые известные мыслители. Все вместе они доказывают, что национальная идентичность исчерпала свой исторический ресурс и выстраивают «безнациональные» политические проекты грядущего «сетевое общества» (М. Кастельс), «мирового государства» (Т. Левит), «континентальных федераций» (А.Г.Дугин), «глобального гражданского общества» (Д. Дарендорф, Э.Гидденс), «глобального гражданства» (Ю. Хабермас, М. Эван), «общества множеств – рес-коммуны» (А. Негри, М.Хардт) или возглавляемой США «глобальной демократической империи» (Н. Фергюссон, П. Гречко).

В этом споре все точки над «I», конечно, расставит будущее. Но интеллектуальные вызовы национальной идентичности, о которых шла речь, в превращенной форме фиксируют некоторые объективные тенденции современной глобализации, связанные с формированием массовой мультикультурной среды существования, появление и распространение которой вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти. Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения.

От современной культурной мозаики рябит в глазах. Попадая в пространство Интернета, других СМИ, в кино и просто театры, концерты и супермаркеты, удивляешься многообразию и эстетическому плюрализму предлагаемых культурных блюд. Здесь как в слоеном пироге мы можем встретить причудливые смешения стилей и товаров из разных стран мира, пласты вненациональной глобальной культуры, гибридные формы и вновь актуализированные локальные. Не следует, однако забывать, что большая часть производства продуктов культуры подчинена логике рынка. А потому современная мультикультурная среда – вовсе не пространство свободы. При всём своём разнообразии, а, в общем-то, именно благодаря ему, она является пространством управляемого потребления, контролируется ТНК, рыночными стратегиям которых плюральность культурной среды вполне соответствует. В качестве наиболее характерной формы мультикультурализма в условиях неолиберальной глобализации исследователи называют «экзотизацию» специфических культур. Экзотизация безопасна для глобального доминирования тем, что неолиберальный «плюралистический» мультикультурализм создаёт обманчивую картину гармоничного разнообразия, не имеющую ничего общего с реальностью, не учитывающую подавления и неравенства, которые по-прежнему во многом определяют культурную ситуацию в мире. «Неолиберальный мультикультурализм не заинтересован в перераспределении власти и культурного влияния, но напротив, отвлекает внимание от подобных вопросов путём коммерциализации мультикультуры и превращения её в товар» [6. С.185].

Однако рыночная социокультурная стратегия экзотизации часто пробуксовывает, вызывая раздражение тех, кто озабочен сохранением общенациональной идентичности. В США овладение иммигрантом американской культурой и включение в жизнь общества всегда означало овладение английским языком. В современной мультикультурной ситуации американские патриоты бьют тревогу по поводу засилья в Америке «низших» по своему развитию иммигрантских культур и нежелания иммигрантов овладеть английским языком. Но без этого у иммигрантов всё равно нет шансов продвинуться в американском обществе. Все технологии ориентированы исключительно на английский язык. Неадаптированные иммигранты могут, разумеется, включаться в этнокриминальные структуры, но вряд ли именно это было для них «американской мечтой». Ситуация глобального билингвизма, сложившаяся в условиях распространения западных информационных технологий, не нова. То же самое переживали этнические языки и диалекты в период формирования национальных государств. И здесь возможны разные стратегии поведения. Возможно, многим эффективной покажется японская: освоение экономических и политических стандартов жизни Запада на основе использования традиций, института семьи, национальных культуры и языка.

Чрезмерное мультикультуральное разнообразие утомляет. Им заполнены СМИ и Интернет. Массовое сознание дезориентируется и лучше соответствует теориям «массового общества», чем в то время, когда эти теории создавались. З. Бауман прав, когда характеризует становящуюся «глобальную цивилизацию» как внешне фрагментированную, но по сути подконтрольную [1. С.178]. Как показал Ж. Бодрийяр, в условиях фрагментизации культуры гражданская и культурная идентификация осуществляются через потребление [4]. Н. Стивенсон уточняет принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современной стадии глобализации: она идёт не через идеологическую мобилизацию и политическое участие, а через доступ к удовольствиям [22]. Сам доступ контролируется, а потребитель получает во фрагментированной культурной среде «специфическую» идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с «конвейера», поставлена на поток. По мнению К. Шварцмана, множественность самоидентификаций (религиозная, этническая, экологистская) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически индивидуализированную массу [21. Р.176]. «Массовая культура» так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, *формирующий новую идентичность глобального потребителя*, в которой сочетаются нивелировка и допущенная, более того, «изготовленная» мера своеобразия. Экономическая борьба становится всё в большей степени борьбой информационной, борьбой за сознание, отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение информации. Свобода предпринимательства оборачивается насаждением

определённых культурным моделям ради усвоения этих моделей потребителем и роста прибылей. В мире, где в экономике доминируют финансовые спекуляции, а в политике растёт манипулирование, в культуре будет преобладать потребительство как образ жизни.

Социокультурная интеграция при воздействии государственных структур всегда сопровождала глобализационные процессы. Но сегодня «символическое насилие» получило новый импульс, более того, стало чем-то естественным, перешло на уровень фона, социальной атмосферы. Добиваться экономических успехов, воздействуя на сознание, оказалось эффективнее, чем трансформировать физический материал. Здесь и таятся социокультурные угрозы национальному государству как политической форме евро-атлантической цивилизации. Формирование идентичности ускользают из его рук. Интеграционные процессы по формированию глобальных транснациональных идентичностей идут в массовом сознании как через воздействие «информационного империализма», так уже и через самоорганизацию. А со стихийной перестройкой сознания совладать весьма сложно. Этнос эффективности, погони за успехом, престижем, трансформирует наличные идентичности, «сегрегирует» их по выражению З. Баумана [2. С.101]. Эталоном здесь выступает транснациональная идентичность глобальной буржуазии, которую тот же З. Бауман назвал космополитизмом «туриста». В результате социокультурное развитие человечества сегодня идёт как противостояние транскультурной идентичности и идентичностей этнокультурных и гражданских, имеющих привязку к национальному государству [9. С.77].

Каковы перспективы этого противостояния? Нивелляторский потенциал транснациональной и транскультурной идентичности невелик. Присущие этой идентичности меркантильность, стандартизация и общекультурная ограниченность не создают необходимого поля притяжения, которым в своё время обладали общенациональные идентичности национальных государств по отношению к этнолокальным идентичностям. Имперская мифология США, которые мифологизируют и свою реальную историю, но ещё более конструируют истории вымышленные – интегратор низкого потенциала в силу своей примитивности. А главное – вторичности: Голливуд с назойливостью творит имперский миф из заимствованных культурных образцов [20. Р.141; 11]. Для истинной империи, даже для национального государства, воздействующего на окраины, это не характерно. Они всегда были оригинальны в социокультурном отношении – это залог успеха. Отсутствием оригинальности объясняются такие черты голливудской мифологии, как агрессивность и перемещение событий в некую сверхреальность.

В этих условиях национальные культуры, по прежнему, остаются мощным фактором мирового развития. Это не просто мультикультурализм, а позитивное многообразие. И здесь велико значение национального государства, которое должно, как пишет А.А. Галкин, «не только оборонять свою идентичность от культурной и псевдокультурной экспансии, но и способствовать реализации объективно возрастающего стремления народов к сохранению своеобразия и самобытности» [5. С.18]. Примером позитивного сохранения культурной идентичности в условиях давления космополитической культуры стала, благодаря помощи своего национального государства, французская культура. Национальным государствам, если они ответственно подходят к вопросам идентичности, необходимо осуществлять контроль за информационными потоками. В каком-то смысле этот контроль является защитой демократии. Н. Стивенсон совершенно справедливо пишет, что работа правительства, направленная на укрепление у населения чувства единой судьбы и культуры, является одной из центральных задач [22]. Отсюда важность культурной политики национального государства, по крайней мере, в отношении элитных образцов, символов национальной культуры. Зрелые национально-культурные идентичности приобретают непреходящую ценность в глобальном мире.

Перспективы социокультурного развития в условиях глобализации зависят от того, готова ли евро-атлантическая цивилизация к реальному межкультурному диалогу. Такой диалог в глобализующемся мире становится императивной необходимостью. Следует согласиться с Ю. Хабермасом в том, что поддержание национального в глобальной культуре имеет сегодня не угасающее, а, напротив, усиливающееся значение [13]. Рыночные формы общечеловеческого далека не всегда способствуют продуктивному диалогу культур. В этих условиях нация-государство выполняет гуманистическую функцию сохранения социокультурной исторической памяти, и

социального пространства, где эта память «обитает» и воспроизводится в новых поколениях. Противоречивой формой взаимодействия национального и наднационального является формирование «европейской идентичности» в ходе реализации проекта единой Европы. Пока в целом это позитивный пример подобного взаимодействия.

Более глобальные формы идентичности пока что проблематичны. Хотя в литературе активно обсуждается идущая ещё от Канта идея «глобального гражданства». Особенно активно эту идею сегодня обосновывает Ю. Хабермас, исходя из своего, гражданско-правового, понимания нации [14]. М. Эван считает, что глобальное гражданство возможно по принципу автоматического его получения вместе с получением гражданства страны-члена ООН или же в форме индивидуального членства в ООН [17]. В отечественной литературе тезис о возможности глобального гражданства обосновывает М.В. Ильин, утверждая, что перемещения по миру должны быть урегулированы таким образом, чтобы комплекс прав и обязанностей индивида мог реализовываться независимо от его места пребывания, а гражданин мирового сообщества мог бы свободно осуществлять выбор этого самого места. Но, думаю, в обозримой перспективе появление «глобального гражданства» утопично. Реальная перспектива глобализации должна быть связана скорее со сложным взаимодействием наднационального, национального и локального уровней. Любая попытка реализации принципа глобального гражданства может привести к непредсказуемым последствиям. По мнению Р. Харви, многие существующие национальные государства это псевдоимперии. В том же смысле высказывается и Б. Нитшман, указывающий, что «большинство государств представляют собой не что иное, как непрочные, централизованные и экспансионистские империи, навязанные национальностям вопреки их воле и сохраняющие целостность лишь благодаря законам, силе и патриотическим символам» [19. Р.238].

Сегодня в условиях отсутствия блокового контроля многие этносы стремятся к независимости. История учит, что это обратимый процесс. И его приостановка предохранит от многих социальных издержек. Провоцировать на сепаратизм с помощью призрака глобального гражданства в условиях нестабильного мира крайне нежелательно. Если не все национальные государства перешли из состояния формального в реальное, то предпочтительнее предоставить им время и возможность для этого. Можно, конечно, пытаться «вырваться из западни национального», как это предлагает, например, У. Бек, и «преодолевать националистический фанатизм», создавать «сутобо конституционным, правовым путём» «наднациональные идентичность, культуру и государственные структуры». Но вряд ли «обретение национальными государствами космополитического характера» станет «ответом на вызовы глобализации» [3. С.56]. «Сутобо правовой» подход к проблеме не учитывает общей логики глобализационного процесса: перехода от политической к социокультурной интеграции человечества, способной реализоваться лишь во взаимном диалоге культур и цивилизаций. Но перспективы и формы такого диалога еще не ясны.

Пока символическому насилию евро-атлантической формы глобализации наиболее успешно противостоит «китайско-конфуцианская» цивилизация, хорошо сочетающая традицию и современность в горизонте сохранения национальной идентичности. Метанарратив, который окончательно примиряет традицию и западную «современность» в данном культурном ареале, - «это, безусловно, идея национального успеха – не марксизма-маоизм и не либеральная демократия, а именно такая специфичная форма национализма послужила залогом того, что традиционные и современные институты достаточно гармонично работают в одном направлении» [10. С.38].

Выводы

На этом фоне перспективы России как особой локальной цивилизации, так и не решившей спор «западников» и «славянофилов», но фактически отказавшейся от поиска собственной национальной идеи, совсем не радужны. Евро – атлантические ценности и институты в массовом сознании остаются чем-то необязательным и условным, а собственные традиции в ряде случаев сведены к этнографически-рудиментарному состоянию. В настоящее время они реально объединены по принципу «абсурдной дополненности», а не в рамках долговременного проекта строительства национального государства, об отсутствии которого приходится только сожалеть. Если массовая культура современной Японии представляет собой

«кентаврическое образование», в котором западные и национальные ценности соединены на основе общественного консенсуса, то в России такое согласие отсутствует не только в обществе, но и в политическом классе. В итоге символическая система общества – общества с размытой национальной идентичностью – оказывается уязвимой в настоящих и грядущих культурных сражениях стремительно глобализирующегося мира. Главное, что вызывает тревогу – это то, что российская культура-цивилизация вступает в эти сражения, по сути, символически обезоруженной, с «голыми руками» и в своей деконструированной незащитной «телесности» (А.С. Панарин). Шансы такого символически разоблаченного общества перед вызовами чужих и агрессивных символических систем выглядят достаточно проблематичными.

Примечания:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
2. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004.
3. Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль. 2004, № 7.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006.
5. Галкин А.А. Национальное государство в изменившихся условиях // Транснациональные процессы: XXI век. М., 2004.
6. Глобализация и мультикультурализм. М., 2005.
7. Гранин Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация»? // Вопросы философии. 2008, №2.
8. Гранин Ю.Д. Национальное государство в глобализирующемся мире. Социально-философский анализ. М., 2014.
9. Журавский А.В., Садов О.В., Фетисов А.В. Субъекты миропорядка XXI века // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003. С.60-83.
10. Кармадонов О.А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008, №2.
11. Пономарёва Д. Киноимперскость // Политический журнал. 2005. № 24.
12. Тлостанова М.В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности. М., 2010. С.191-217.
13. Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.
14. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб, 2001.
15. Хантингтон Самюэль. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
16. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон ДЖ. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М., 2004.
17. Evan W.M. Identification with the human species: A challenge for the twenty-first century // Human relations. N.Y.; L., 1997. Vol. 50. N. 8.
18. Marshall D. Understanding late-twentieth-century capitalism: Reassessing the globalization theme // Government and opposition. L., 1996. Vol. 31, N 2.
19. Neitschmann B. The fourth world: Nations versus states // Reordering the world: Geopolitical perspectives on the twenty-first century. Boulder, 1994.
20. Sardar Z., Davis M. Why Do People Hate America? Cambridge, 2002.
21. Schwartzman K.C. Globalization and democracy // Annual revue of sociology. Palo Alto, 1998. Vol. 24.
22. Stevenson N. Globalization, national cultures and cultural citizenship // Sociol. quart. Berkeley (Cal.), 1997. Vol. 38. N. 1.

References:

1. Bauman S. The individualized society. M., 2002.
2. Bauman S. Globalization: consequences for the person and society. M, 2004.
3. Beck U. Transformation of policy and the state during a globalization era // Free thought. 2004, №. 7.
4. Bodriyar Zh. Consumer society. M, 2006.

5. Galkin A.A. The national state in the changed conditions // Transnational processes: XXI century. M, 2004.
6. Globalization and multiculturalism. M, 2005.
7. Granin Yu.D. "Globalization" or "westernisation"? // Problems of Philosophy. 2008, № 2.
8. Granin Yu.D. The national state in the globalized world. Social and philosophical analysis. M., 2014.
9. Zhuravsky A.V., Gardens O.B., Fetisov A.V. Subjects of a world order of the XXI century // Globalization and collision of identichnost. M, 2003. Page 60-83.
10. Karmadonov O. A. Effekt of absence: cultural and civilization specifics // Problems of Philosophy. 2008, № 2.
11. Ponomaryova D. Kinoimperskost // Political magazine. 2005. № 24.
12. Tlostanova M. V. Chelovek in the modern world: problems of multiple identity // Questions of the social theory. Scientific almanac. 2010. Volume IV. The person in search of identity. M.2010. Page 191-217.
13. Habermas Yu. Political works. M, 2005.
14. Habermas Yu. Involvement of Another. Sketches of the political theory. SPb, 2001.
15. Huntington Samyuel. Who are we? Calls of the American national identity. M, 2004.
16. Held D., Goldblatt D., to Makgr E., Perraton J. Global transformations. Policy, economy and culture. M, 2004.
17. Evan W.M. Identification with the human species: A challenge for the twenty-first century // Human relations. N.Y.; L., 1997. Vol. 50. N. 8.
18. Marshall D. Understanding late-twentieth-century capitalism: Reassessing the globalization theme // Government and opposition. L., 1996. Vol. 31, N 2.
19. Neitschmann B. The fourth world: Nations versus states // Reordering the world: Geopolitical perspectives on the twenty-first century. Boulder, 1994.
20. Sardar Z., Davis M. Why Do People Hate America? Cambridge, 2002.
21. Schwartzman K.C. Globalization and democracy // Annual revue of sociology. Palo Alto, 1998. Vol. 24.
22. Stevenson N. Globalization, national cultures and cultural citizenship // Sociol. quart. Berkeley (Cal.), 1997. Vol. 38. N. 1.

УДК 1(101)

Национальная идентичность перед вызовами глобализации

Юрий Дмитриевич Гранин

Институт философии РАН, МГТУ им. Н.Э. Баумана, Российская Федерация
Доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник
E-mail: maily-granin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются социально-философское содержание понятия «глобализация», многообразие исторических форм осуществления глобализации человечества, угрозы национальной идентичности населения многих государств мира в XXI веке. Последние инспирируются не только рядом современных интеллектуальных течений, но и объективным формированием массовой мультикультурной среды существования, расширение которой вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти. Противостоять символическому насилию масскультуры «глобального потребителя», полагает автор, способна продуманная государственная политика, сочетающая традицию и современность в горизонте сохранения национальной идентичности.

Ключевые слова: глобализация; идентичность; модернизация; модернизм; постмодернизм; символическое насилие.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
ISSN: 2408-9435
Vol. 2, No. 2, pp. 113-132, 2014

DOI: 10.13187/ejpr.2014.2.113

www.ejournal17.com

UDC 1

The Positive-Dialectical Epistemological Program

Sergey A. Lebedev

Bauman Moscow State Technical University, Russian Federation
5, 2-nd Baumanskaya, Moscow, 105005
Doctor of Philosophy, Professor
E-mail: saleb@rambler.ru

Abstract

The article subject is the conceptual nuclear of the positive-dialectical epistemology programs. The author demonstrates its possibilities and advanced from the transcendentalism, positivism and postpositivism epistemological conceptions. He formulates the seven main sentences of positive-dialectical conception: 1) necessity the system approach for solution the problem of demarcation scientific knowledge; 2) the social nature of scientific investigation; 3) the plural and contradiction character of the system scientific knowledge; 4) the methodological pluralism in the science as on the scientific areal and disciplines as on the levels of scientific knowledge; 5) the double determination of scientific knowledge: object and sociocultural; 6) the dynamic of the scientific exchanges includes continuity and discretions, generalisation and negation of old knowledge, internal and external factors; 7) the philosophical reflection on the scientific investigation and its dynamics is the necessity point of scientific progress.

Keywords: epistemology; philosophy of science; positivism; postpositivism; transcendentalism; positive-dialectical conception.

Введение

Развиваемая мною в последние годы позитивно-диалектическая программа эпистемологии [1; 2; 3; 4; 8], хотя и имеет в своем названии термин «диалектическая», однако принципиально отличается от диалектической эпистемологии Гегеля. Это отличие состоит, прежде всего, в методах построения теории научного познания, а также моделей структуры научного знания и закономерностей его развития. Диалектический метод Гегеля был, как известно, во-первых, умозраительно-трансцендентальным, а, во-вторых, навязывался реальной науке как ее единственно истинный метод. В несколько измененном виде гегелевский метод уже под названием построения научных теорий «методом восхождения от абстрактного к конкретному» разрабатывался представителями марксистской диалектической логики (Э.В. Ильенков, З.М. Оруджев, А.П. Шептулин и др.). Метод же построения как самой позитивно-диалектической эпистемологии, так и развиваемой в ее рамках методологии науки, принципиально иной. Он основан на эмпирической констатации реально противоречивого характера и сверхсложной структуры всех основных подсистем науки: а) системы научного знания (математическое, естественнонаучное, социально-гуманитарное, технико-технологическое, эмпирическое, теоретическое, метатеоретическое, факты, законы, гипотезы, логические доказательства и

др.); б) системы методов научного познания (наблюдение и мышление, интуиция и дискурс, гипотеза и теоретическое конструирование, конвенции и консенсус, объяснение и понимание, предпосылочное и выводное знание); и, наконец, в) системы реальных факторов динамики и развития научного знания (эволюционная и революционная фаза динамики, воспроизводство старого знания и производство нового, традиции и новации, преемственность и разрыв, объектная и социально-культурная детерминация, истинность и полезность и др.). С другой стороны, сравнение объяснительного потенциала позитивно-диалектической эпистемологии не только с концепциями трансценденталистской эпистемологии, но и с прямо противоположными трансцендентализму парадигмами современной философии науки такими как позитивизм и постпозитивизм (индуктивизм Бэкона-Милля, логический позитивизм и неиндуктивизм Карнапа и Рейхенбаха, фальсификационизм Поппера и методология научно-исследовательских программ Лакатоса, методологический анархизм Фейерабенда и теория научных революций Куна, радикальный конструктивизм, герменевтика, постструктурализм и др.), также четко выявляет ее большое преимущество и по сравнению с ними [6; 17]. Ниже мы постараемся кратко (аксиоматически) сформулировать основное содержание позитивно-диалектической концепции, основу и «концептуальное ядро» этой исследовательской программы в области эпистемологии и философии науки.

Первое положение позитивно-диалектической эпистемологии состоит в необходимости системного подхода к решению проблемы демаркации научного знания. Согласно этому подходу научное знание отличается от всех других видов знания не одним каким-либо свойством, а системой таких свойств, а именно: объектная предметность, однозначная определенность, доказательность (логическая или эмпирическая), проверяемость (эмпирическая или аналитическая), открытость к критике, возможность улучшения, практическая полезность. Только наличие у научного знания всех указанных выше свойств позволяет отличить его от всех других видов знания, которыми оперирует человек (обыденное, мифологическое, философское, художественное, религиозное, художественное, интуитивное и др.) [10]. Однако системный подход в решении проблемы демаркации научного знания заключается в том, чтобы не останавливаться лишь на фиксации необходимых и достаточных общих признаков любого научного знания, а конкретизировать их применительно к разным областям науки: математика и логика, естественные науки, социально-гуманитарные науки, технические и технологические науки. Эти области научного знания качественно отличаются друг от друга не только по своим предметам и методам, но и по идеалам научной рациональности. Дело в том, что система демаркационных свойств научного знания реализуется специфическим образом, как в диахронии науки (древняя восточная наука, античная наука, средневековая наука, классическая наука, неклассическая наука XX века, постнеклассическая наука), так и в ее синхронии [1; 11]. Так, логическое и математическое знание имеет такую конкретизированную систему свойств общей научной рациональности: идеальная объектность, конструктивная однозначность, формальная доказательность, аналитическая верифицируемость, открытость к критике и опровержению, возможность улучшения, применимость в других науках. Совокупность этих требований образует содержание такого методологического конструкта как **логико-математическая рациональность**. Конкретизация требований общей научной рациональности применительно к естественнонаучному знанию совсем другая. Это его: эмпирическая объектность, наблюдательно-экспериментальная определенность, частичная логическая доказательность, опытная верифицируемость (подтверждаемость или фальсифицируемость фактами), открытость к критике, возможность уточнения, применение на практике. Эта совокупность свойств научного знания образует содержание **естественнонаучной рациональности**. Конкретизация требований научной рациональности применительно к социально-гуманитарному знанию выглядит следующим образом: социально-ценностная объектность, рефлексивность, системность, культурологическая обоснованность, адаптивная полезность, открытость к критике, возможность изменения, применение в управлении обществом и совершенствовании человека. Это – **социально-гуманитарная научная рациональность**. Наконец, конкретизированная совокупность общих требований научной рациональности применительно к техническим и технологическим наукам выглядят

следующим образом: «вещная» объектность, конструктивная системность, эмпирическая проверяемость, системная надежность, практическая эффективность, социальная полезность, точность, открытость к критике, возможность оптимизации прежней модели или отказа от нее. Это – набор свойств **технико-технологической рациональности** [1]. Этим свойствам научного знания должно отвечать и междисциплинарное знание. Выделение различных типов синхронной рациональности позволяет с самого начала осознать не только несостоятельность и бесперспективность редуccionистских попыток сведения одних («низших») видов научного знания к другим («высшим»), но и более конкретно подходить к решению вопроса о закономерностях развития научного знания. Это означает, что при построении моделей развития научного знания нельзя ограничиваться только описанием общих закономерностей его развития. Не менее важно, особенно в практическом плане, реконструировать также и специфические закономерности развития отдельных видов научного знания. Только тогда можно будет достаточно полно, точно и, вместе с тем, с единых позиций описать сложнейший механизм развития научного знания в целом [7; 11].

Второе положение позитивно-диалектической концепции. Оно состоит в констатации **социального** характера **научно-познавательной деятельности**. Согласно этому положению, научное познание по своей природе и сущности это не индивидуально-психологический и не трансцендентально-логический процесс, а коллективная деятельность по производству и применению научного знания. Главным субъектом научного познания, основным производителем и носителем научной истины является дисциплинарное научное сообщество. Разумеется, оно состоит из отдельных ученых, но все они являются лишь элементами коллективного субъекта научного познания и подчинены в своих действиях и оценке со стороны дисциплинарного научного сообщества как некоей целостной системы. Будучи социальной системой, субъект научного познания функционирует (несмотря на всю специфичность своей деятельности) по общим законам бытия любой социальной системы. Поэтому коммуникационные отношения между членами научного сообщества играют столь же важную роль в процессе научного познания, его функционировании и динамике, сколь и субъект - объектные познавательные отношения. Когнитивные коммуникации между учеными и субъект - объектные познавательные отношения оказывают друг на друга влияние в процессе научного познания, лишь совместно определяя общую траекторию развития научного знания, равно как и его результативность. Положение о социальном характере научного познания можно считать сегодня полностью доказанным, опираясь на данные истории науки, а также эмпирических эпистемологических исследований в рамках когнитивной социологии науки [4; 9; 11; 21].

Важнейшим результатом когнитивной социологии, а также исторических исследований процесса научного познания следует признать также положение о том, что всякая научная истина обосновывается не только эмпирически, логически и теоретически, но и утверждается волей субъекта научного познания. Это верно по отношению и к отдельному ученому, но особенно по отношению к дисциплинарному научному сообществу [9; 15; 16]. Разумеется, «научный вес» и участие отдельных ученых в деятельности дисциплинарного сообщества как коллективного субъекта научного познания не являются одинаковыми. Существенная роль здесь принадлежит лидерам научного сообщества, его главным авторитетам и топ – экспертам в принятии решений по всем основным вопросам развития соответствующей области научного знания. Несмотря на массовый характер научной деятельности, элитарный характер динамики научного знания сохраняется и на современном этапе. Роль гениальных ученых в общей динамике науки по-прежнему весьма велика. В этой связи необходимо отметить тот примечательный статистический факт, что, несмотря на общий экспоненциальный рост всего массива научного знания, количество выдающихся научных открытий (включая создание принципиально новых научных концепций и теорий) увеличивается лишь линейно [11; 21]. При этом лидерам научного сообщества достается не только слава и признание со стороны коллег и общества в целом, но именно на них лежит и основная ответственность за те или иные принимаемые решения в соответствующей области знания, в том числе и неправильные.

В чем главная причина использования в процессе научного познания **КОГНИТИВНОЙ ВОЛИ** как важнейшего фактора его динамики? Она кроется в том гносеологическом

феномене, что принцип достаточного основания никогда не может быть реализован в реальном познании в полной мере (абсолютно), а является всегда лишь конвенциональным и условным решением, опираясь всегда на множество неявно принятых допущений. Такое положение дел обусловлено тремя главными факторами: 1) предпосылочностью любого когнитивного акта с его включенностью в более широкий познавательный контекст; 2) возможностью регресса в бесконечность при чисто законном с рациональной точки зрения требовании все новых аргументов для обоснования того или иного положения; 3) принципиальной недоопределенностью смысла и значения всех научных понятий в силу открытости реального языка науки и правил приписывания значений и смысла любым его терминам (как это убедительно показано в теории языковых игр Л. Витгенштейна и постструктуралистской концепции дискурса) [26; 27]. Ясно, что принципиальная недоопределенность любого рационального знания может быть преодолена только путем выхода за пределы чисто рациональной сферы сознания. И этот выход может быть сделан только в одном направлении, задействования такой сферы сознания как воля, и, прежде всего, когнитивной воли. Когнитивная воля субъекта познания и направлена на то, чтобы устранить недоопределенность как родовой недостаток всякого рационального знания. Без устранения этого недостатка субъект не может осуществлять реальных познавательных или практических действий, ибо любое действие всегда требует определенности выбора в конкретной ситуации. И, конечно, область когнитивной воли это сфера когнитивных рисков познающего субъекта, где не существует абсолютных гарантий правильности принимаемых решений. Именно здесь осуществляется и проверяется ставочное поведение познающего субъекта (иногда успешное, а иногда ошибочное).

Неизбежными спутниками любого ставочного поведения являются риск, интуиция, надежда на успех. Подобного рода стратегия «игры в научную истину» особенно очевидна при анализе переломных моментов в истории развития научного знания, при открытии и утверждении учеными новых идей, концепций и особенно – фундаментальных теорий. Только при учете этих обстоятельств можно понять реальное когнитивное поведение Н. Коперника, И. Кеплера, И. Ньютона, Ч. Дарвина, К. Маркса, Н.И. Лобачевского, Г. Кантора, Г. Менделя, А. Эйнштейна, В. Гейзенберга, Н. Бора и многих других известных творцов науки, бросавших вызов научным догмам своего времени. Но это те имена, чьи риски и выбор оказались удачными, и получили, в конечном счете, признание научного сообщества, хотя и далеко не сразу. Как свидетельствует реальная история науки, инерция и консерватизм в этой сфере человеческой деятельности отнюдь не меньше, чем в любой другой области. Так, гелиоцентрическая гипотеза Коперника получила признание в научном сообществе только через два века после ее выдвижения, в основном благодаря научным усилиям Кеплера и Ньютона. Гиперболическая геометрия Лобачевского получила признание профессионального научного сообщества только через пятьдесят лет, в основном благодаря работам Бельтрами и Римана и т.д. Были у этих первооткрывателей и свои ярые противники, как правило, также известные ученые (Тихо Браге у Коперника, Галилей у Кеплера, Гук и Лейбниц у Ньютона, Остроградский у Лобачевского и т.д.), которые считали будущих классиков науки как минимум неудачниками, а как максимум – лжеучеными. Как известно, один из величайших математиков XIX века К. Гаусс не выступил открыто в поддержку неевклидовых геометрий именно потому, что он опасался «крика беотийцев», то есть мнения большинства геометров своего времени, для которых евклидова геометрия была безусловной и абсолютной истиной. По признанию самих творцов науки, только вера в правильность своего когнитивного выбора была их главной опорой в борьбе за утверждение своих концепций. А для многих ученых Нового времени важной поддержкой их исканий научной истины служила их религиозная вера: искренние признания на этот счет часто встречаются в работах Коперника, Кеплера, Ньютона и др. Но в истории науки как «драме научных идей» (А. Эйнштейн) всегда существовало большое количество и тех ученых, чье ставочное поведение в принятии научных решений было не всегда успешным. Обычно их имена стираются из научной памяти, кроме разве тех ситуаций, когда это были ученые, уже имевшие мировую известность, такие например как Мах, Рассел, Ландау, Эйнштейн и др. Самое драматичное в процессе научного познания это взаимодействие и столкновение индивидуальной когнитивной воли с коллективной когнитивной волей

научного сообщества. Тот или иной исход этого взаимодействия является фактором, в значительной степени определяющим общую траекторию развития научного знания. Говоря о диалектике взаимодействия индивидуальной и коллективной воли субъекта научного познания, необходимо подчеркнуть то принципиальное различие между ними, что в отличие от индивидуальной воли коллективная когнитивная воля научного сообщества представляет собой не только нечто безымянное, но имеющее при этом также стихийный, объективный и социально обусловленный характер. Однако коллективная когнитивная воля имеет вполне определенные формы и индикаторы своего реального проявления и присутствия.

Маркерами когнитивной воли научного сообщества являются следующие: прежде всего, это неформальные когнитивные коммуникации между членами научного сообщества, имеющие своей целью выработать некую согласованную позицию по различным научным проблемам и их решениям; это деятельность научных школ, существенно основанная на когнитивной воле ее адептов по защите и продвижению основных идей данной школы; это деятельность различного рода экспертных научных советов, принимающих и проводящих в жизнь согласованные решения; это организация различного рода научных конференций и симпозиумов по обмену мнениями членов научного сообщества по актуальным проблемам их области знания целью выработки общего коллективного мнения их участников, в том числе и по новым концепциям; это и редакционная деятельность журналов по пропаганде и продвижению одних научных концепций и критике других; это и деятельность диссертационных советов по выработке коллективного мнения оценки научной значимости представленных диссертантами концепций, идей и результатов; наконец, это коллективная экспертная оценка различных комитетов по признанию (или не признанию) научных заслуг конкретных ученых. Все эти многочисленные формы проявления коллективной когнитивной воли научного сообщества вполне поддаются конкретному эмпирическому изучению и анализу. При столкновении индивидуальной и коллективной когнитивной воли возможны только два выхода: побеждает либо индивидуальная когнитивная воля, подчиняя себе коллективную волю научного сообщества, либо побеждает коллективная когнитивная воля научного сообщества, отторгая (или «не замечая») несовместимый с ней вектор индивидуальной исследовательской воли. В истории науки реализуются оба эти сценария. Но в любом случае коллективная когнитивная воля всегда остается постоянно действующим и чрезвычайно мощным фактором динамики научного познания. Таким образом, реальный субъект научного познания это не только когнитивно-рациональное, но и когнитивно-воляющее существо. Причем эти характеристики относятся не только к индивидуальному субъекту научного познания (отдельному ученому), но и к коллективному – дисциплинарному научному сообществу, выразителю и подлинному репрезентанту социальности научного познания.

Однако, у научного познания, помимо его опоры на разум и когнитивную волю, имеется еще одно столь же важное и необходимое измерение, свидетельствующее о его социальной природе – его замыкание на практику, на применение научного знания в целях умножения адаптивной и материальной мощи человеческого общества («Знание – сила» – Ф. Бэкон) [20; 21]. Как известно, исследованию связки «научное знание – практика» особое внимание было уделено в эпистемологии прагматизма (Ч. Пирс, У. Джемс, П. Бриджмен и др.). Представители прагматизма не только подчеркнули значимость практики и ориентацию на нее как важнейшую особенность научного познания действительности, но и явно преувеличили роль практики, рассматривая ее не только как критерий оценки полезности научных концепций различного рода, но и как главный, или даже единственный, критерий их истинности. Ошибка прагматистов состоит в том, что соответствие практике, ее целям и задачам, непосредственная практическая полезность научного знания, которая несомненно является главным критерием истинности технических и технологических наук, они распространяют на все знание. Но практика может выступать непосредственным критерием истинности только практических истин, но не фундаментальных теоретических истин естественнонаучного или математического знания. Для них критерием истинности научного знания может быть только соответствие этого знания своему предмету, в частности идеальным объектам научных теорий, если речь идет, например, о теоретической математике или физике. Или соответствие данным наблюдения

и эксперимента, когда речь идет об эмпирическом фундаментальном знании (о фактах и эмпирических законах). Или для высказываний математики критерием истинности является их логическая выводимость из других высказываний, принятых за истинные, или, наконец, интуитивная очевидность истинности некоторых математических положений в силу чрезвычайной простоты (минимальности) их содержания. И все же критерию практики как критерию истинности научного знания принадлежит ведущая роль среди всех других критериев истинности. Его востребованность и очевидность для массового сознания ученых имеет серьезные объективные основания и обусловлена самой структурой научного знания. Дело в том, что в общей структуре современного научного познания фундаментальные исследования занимают только 10–15 % всего объема, а весь остальной объем занимают прикладные исследования и опытно-конструкторские разработки (инновации), где практика естественно является главным критерием их истинности. Несомненно, что замыкание научного знания на практику и обслуживание ее потребностей является одним из важнейших детерминантов научного познания и его динамики [20]. И это является еще одним важным аргументом в пользу обоснования социальной природы научного познания. При этом, хотя воля и практика непосредственно находятся вне сферы разума, но в то же время и в органической связи с ним. Триединство разума, когнитивной воли и практики образует исходную структуру научного познания как познания особого рода.

Именно благодаря коллективному характеру субъекта научного познания, функционирование и развитие научного знания имеет не только социальный, но и объективный характер.

Третье основное положение позитивно-диалектической эпистемологии: научное знание представляет собой **суперсложную и плюралистическую** по своему содержанию **систему** различных видов, областей, уровней и единиц научной информации. Эта система имеет не только целостный и динамичный, но содержательно противоречивый и рефлексивный характер [1; 3; 10]. Несмотря на качественное разнообразие видов научного знания, оно, тем не менее, едино, так как все его элементы удовлетворяют одним и тем же общим критериям научной рациональности. Система научного знания состоит, прежде всего, из качественно различных сфер научного знания, представленного такими областями науки как математика, логика, естествознание, технические науки, технологические науки, социальные науки, гуманитарные науки, комплексные и междисциплинарные исследования. Имеются качественные различия не только между предметами, но и между методами данных областей научного знания, хотя, разумеется, между ними имеет место и взаимосвязь. Граница между разными областями научного знания имеет не абсолютный, а скорее относительный и подвижный характер. В системе научного знания имеют место такие качественно различные, и даже противоположные по своим характеристикам виды знания, как: аналитическое и синтетическое; предпосылочное и выводное; атрибутивное и ценностное; объектно-описательное и нормативно-методологическое; идеографическое и номотетическое; дискурсное и интуитивное; явное и неявное; личностное и общезначимое и др. Очевидно, что каждый из этих видов научного знания требует для своего получения и обоснования особого методологического арсенала. В каждой зрелой научной дисциплине научное знание представлено четырьмя качественно различными уровнями научного знания: чувственное знание (данные наблюдений и экспериментов), эмпирическое знание, теоретическое знание и метатеоретическое знание (общенаучное и философское). У каждого из этих уровней научного знания имеется как своя онтология, так и методология [3; 22]. Вот почему они могут существовать и развиваться относительно независимо друг от друга.

Одной из важнейших причин гетерогенности методологического арсенала современной науки является уровневая организация знания, которая получила четкое выражение в структуре знания развитых научных дисциплин (физика, химия, биология, история, социология, психология и др.). В каждой развитой научной дисциплине существует четыре уровня знания и познания: чувственный уровень (данные наблюдения и эксперимента), эмпирический уровень (установление фактов и эмпирических законов изучаемой предметной области), теоретический уровень научного знания и исследования (построение логически доказательной модели эмпирического знания), метатеоретический уровень (обоснование инструментальной, практической и мировоззренческой значимости теорий). Целью чувственного уровня научного познания является чувственное познание

объекта с помощью научных приборов различного вида, результатом (познавательным продуктом) – данные наблюдения и эксперимента над исследуемым объектом. Цель эмпирического уровня научного познания совсем другая. Это – создание понятийной модели объекта, его абстрактной дискурсивной схемы, значениями терминов которой выступали бы данные наблюдения и эксперимента. Основными продуктами эмпирического уровня научного познания являются такие продукты взаимодействия мышления и чувственных данных как протокольные предложения, их обобщения (факты), эмпирические законы, феноменологические теории (системы эмпирических законов). Но эмпирический уровень научного познания и научного знания это только первая, начальная ступень деятельности научного мышления, деятельности его рассудка. Второй, качественно иной уровень рационального познания в науке это область действия научного разума или теоретического мышления. Цель теоретического уровня научного познания – создание логически доказательных моделей и схем эмпирического знания об объекте, дальнейшая мыслительная конструктивизация эмпирического знания с целью выделения в нем главных, наиболее существенных связей. Продуктами этого уровня научного познания являются идеальные объекты научных теорий, теоретические законы, теоретические принципы, логические доказательные системы знания. Наконец, целью следующего, более высокого уровня научного знания, качественно отличного от всех предыдущих уровней – метатеоретического, является анализ и обоснование конкретных научных теорий на их внутреннюю логическую непротиворечивость, полноту, общенаучную и мировоззренческую значимость, практическую эффективность. Специфическими продуктами этого уровня научного познания являются такие как метатеории, частнонаучная и общенаучная картина мира, идеалы и нормы научного исследования, философские основания науки. Таким образом, каждый уровень научного знания имеет свое специфическое содержание, свою онтологию, которые не сводимы к содержанию и онтологии других уровней [1;10]. А потому каждый из уровней научного познания и знания имеет и свою особую методологию. Современная методология науки должна обязательно строиться с учетом этого обстоятельства [3]. Наряду с методами, используемых на всех или на большинстве уровней научного познания (анализ, синтез, моделирование, конструирование, отождествление, различение, сравнение и др.), в науке имеются также методы, которые «привязаны» преимущественно только к какому-то одному из уровней научного познания и знания: чувственному, эмпирическому, теоретическому или метатеоретическому.

Методами чувственного уровня научного познания являются научное наблюдение (то есть систематическое наблюдение с использованием научных приборов) и эксперимент (то есть создание максимально контролируемых условий воздействия на познаваемый объект и изучение последствий этого воздействия). Методами эмпирического уровня научного познания являются :абстрагирование, индукция, классификация, эмпирический анализ, эмпирический синтез, эмпирическое моделирование, аналогия, гипотеза эмпирического закона, экстраполяция, эмпирической объяснение, эмпирическое предсказание. Кластер методов теоретического уровня научного познания образуют уже другие методы: идеализация, конструктивное введение теоретических объектов, логическая редукция, дедуктивно-аксиоматический метод, генетически-конструктивный метод, математическая гипотеза, метод симметрий, метод принципов, метод восхождения от абстрактного к конкретному, диалектический метод. Специфическими методами метатеоретического уровня познания в науке являются метатеоретическое, парадигмальное, общенаучное и философское обоснование научных теорий. Таким образом, природа метода в науке определяется не только объектом и общими целями научного познания, но и тем, на каком уровне научно-познавательной рефлексии ученый имеет дело с изучаемыми объектами [3]. Например, очевидно, что формализация как метод научного познания уместна только на метатеоретическом уровне исследования (да и то в основном только в математике или логике), но отнюдь не на теоретическом, а тем более – эмпирическом или чувственном уровне научного познания. Столь же очевидно, например, что философская рефлексия научного знания вполне уместна и даже необходима на метатеоретическом уровне познания, но она бессмысленна на уровне чувственного познания объекта, на уровне его эмпирического моделирования, а во многих случаях и на уровне построения частных теорий [13]. Таким образом, хотя отдельные методологические средства могут применяться и

применяются на разных уровнях научного познания (например, абстрагирование, гипотеза, дедукция, индукция, моделирование, системный метод), большинство средств научного исследования может быть эффективно использовано только на определенном уровне научного познания [3]. А это, в частности, означает, что методологическая истина столь же конкретна, как и все другие виды истины.

Как в современном научном познании соотносятся методологический универсализм и методологический партикуляризм? В плане их приоритетности они очевидно находятся в таком же положении, как и процессы дифференциации и интеграции научного знания. И то и другое одинаково важно и диалектически дополняет друг друга. Методологический плюрализм в науке ценен тем, что он обеспечивает относительно самостоятельное функционирование и развитие разных областей и разных уровней научного познания в рамках научного познания как целого. Одним из недостатков философии науки конца XX века как раз и было то, что в ней был сделан слишком сильный упор на зависимости одних областей и уровней научного знания от других.

В структуре научного знания имеются также многообразные и качественно разнообразные его элементы, которые можно назвать «единицами научного знания» [10]. Это - протоколы наблюдений, графики, классификации, факты, законы, теории, модели, доказательства (выводы), принципы и др. Качественное разнообразие указанных выше областей, видов, уровней и единиц научного знания необходимо постоянно учитывать в эпистемологии и философии науки при построении адекватных моделей научного познания. Прежде всего, потому, что разные структурные единицы научного регулируются разными критериями и средствами своего построения и обоснования. Однако, не нужно забывать и другого: научное знание не только диалектически противоречиво по своей структуре, но и диалектически едино, так как все его элементы подчиняются требованиям не только частной рациональности, но и общей научной рациональности, что собственно и делает их элементами именно научного знания, а не какого-то другого вида знания.

Четвертое основное положение позитивно – диалектической эпистемологии. В зависимости от содержания объекта познания, а также от уровня его познания, в науке используются различные способы и средства представления познаваемых ею объектов (**в науке имеет место методологический плюрализм**). В истории реальной науки никогда не существовало некоего единого и универсального метода получения и обоснования знания. Для достижения этих целей в науке всегда использовались и используются сегодня самые разнообразные когнитивные технологии (методики и средства). Критерием оправданности любых когнитивных технологий в науке является только их результативность и эффективность в получении нового научного знания и его применения [3]. Одной из главных причин отсутствия в науке универсального метода является то, что разные области научного познания имеют дело с качественно различными сегментами действительности, которые требуют учета специфики их содержания при применении к ним тех или иных средств познания. Очевидно, например, что методы математики при решении ею своих проблем существенно отличаются от методов естественных наук, а методы наук о природе от методов социальных и гуманитарных наук, исследующих общество, сознание и культуру. Это обстоятельство в свое время совершенно справедливо подчеркнули В. Виндельбанд и Г. Риккерт [17]. Методологическая культура представителей математического, естественнонаучного, социального и гуманитарного познания существенно отличаются друг от друга. Это, разумеется, не означает, что у различных областей научного знания не существует неких общих средств познания, а также - возможности частичного применения своих специфических методов в других науках. Ярким примером методологического взаимодействия всех наук является широкое применение языка математики не только в современных естественных и технических науках, но и в социально-гуманитарных дисциплинах (экономика, история, социология, психология, логика, лингвистика и др.). Систематические наблюдения и эксперимент, формулировка и обоснование эмпирических и теоретических законов это также сегодня не только методы естествознания, но и методы социально-гуманитарных наук и даже математики (прикладная математика, вычислительная математика, теория алгоритмов, теория систем, теория принятия решений и др.). С другой стороны, методы социальных и гуманитарных наук все чаще применяются в современном естествознании и математике

(например, целостный подход к изучению своих объектов в таких науках как биология, геология, география и др.; применение идей сингулярности и творчества в космологии и синергетике; симметрии – в физике, химии, биологии; интуиции – в интуиционистской математике; использование антропного принципа – в космологии, биохимии, биологии и др.). И все же методологических особенностей и различий между математикой, естествознанием и социально-гуманитарными науками, которые получили историческое закрепление в исследовательских традициях этих областей научного познания, гораздо больше, чем сходства между ними. Поэтому по-прежнему справедливым следует считать положение о том, что методологическая специфика познания того или иного предмета познания в значительной степени определяется особенностями его содержания. В этом отношении сложившееся методологическое различие между «физиками» и «лириками» в науке, между естественнонаучной методологической культурой исследования и гуманитарной методологической культурой видимо не устранимо в принципе и сохраняется в будущей науке.

Содержательное и методологическое разнообразие научного познания и знания с особой силой выдвигает значимость такой эпистемологической проблемы как фиксацию тех познавательных операций, которые обеспечивают единство и взаимосвязь различных видов и уровней научного знания. Мы полагаем, что роль таких «познавательных скреп» выполняет такая методологическая процедура как **интерпретация** одного вида знания в терминах другого. Именно густая сеть различного вида научных интерпретаций (эмпирическая интерпретация теории, теоретическая интерпретация фактов, чувственная интерпретация эмпирического знания, эмпирическая интерпретация чувственного знания, объектная интерпретация чувственных научных данных, философская интерпретация научных теорий, научная интерпретация философских концепций и др.) и связывает научное знание в некую единую и целостную систему [3]. Причем немаловажным моментом является то, что вся эта деятельность реально осуществляется в режиме самоорганизации научного знания, в ходе повседневной научной деятельности огромного числа исследователей, часто не находящихся в отношении друг к другу ни в какой конкретной организационной связи. Важно при этом подчеркнуть, что отношение между различными уровнями научного знания и соответственно между элементами этих уровней не носит характера однозначной зависимости или взаимно однозначного соответствия между ними, а имеет характер многозначной, то есть свободной связи. Например, любая научная теория в принципе имеет неограниченное число своих возможных интерпретаций и применений. Точно также и любые факты имеют потенциально неограниченное количество своих теоретических толкований. Любая интерпретация, с одной стороны, является делом свободного выбора ученого, его творчества, а с другой, обусловлена конкретными объективными условиями и целями его научной деятельности.

Пятое положение. Научное познание детерминировано не только исследуемым объектом, но и наличной культурой и обществом, как необходимыми условиями своего осуществления [20; 21; 28]. В своем историческом развитии наука прошла ряд этапов, которые характеризовались разным видением ее предназначения и функций, способов получения и обоснования научного знания, взаимоотношением с обществом и культурой. В современной истории и философии науки выделяют шесть качественно различных состояний эволюции науки в целом. Это: древняя восточная преднаука, античная наука, средневековая наука, классическая наука, неклассическая наука, современная постнеклассическая наука [11]. Каждый культурно-исторический тип науки существенно отличается от всех других не только содержанием научного знания, но и своеобразием своего методологического инструментария и философских оснований. Так, восточная преднаука характеризовалась следующими основными чертами: непосредственная связь с практическими потребностями общества и их обслуживанием, эмпиричность процесса познания, рецептурный и догматичный характер знания, сакрально-кастовая организация научной деятельности, закрытость научного сообщества. Однако, в VII–III веках до н.э. на территории Древней Греции случилась первая глобальная научная революция, результатом которой было возникновение и последующее развитие нового культурно-исторического типа науки – античной науки. Ее основные черты были диаметрально противоположны восточной науке. Это: созерцательность процесса познания, теоретичность и логическая

доказательность научного знания, относительная самостоятельность науки и ее независимость от непосредственных практических потребностей общества, критичность научных исследований и рефлексивный характер полученных знаний, их открытость для изменения и улучшений, демократичность научных сообществ. Благодаря этим особенностям античной науке удалось совершить огромный, всемирно-исторический прорыв в развитии науки [11]. Многие из результатов античной науки навсегда вошли в золотой фонд человеческой культуры. Это – создание теоретической философии и почти всех ее основных разделов и направлений, создание логически доказательной математики, в частности, геометрии Эвклида, создание формальной логики как инструмента логического доказательства, создание научной системы астрономии, создание физики как общего учения о природе и ее законов, создание гуманитарных наук: истории, политики, юриспруденции, искусствознания и др.

Античная наука просуществовала в качестве культурно-исторического типа вплоть с VII века до н.э. до III века н.э. Ей на смену пришел средневековый тип науки, воплотивший в своих главных особенностях потребности функционирования и развития возникшей в Западной Европе религиозной цивилизации, основу которой составило христианство. Наука в средние века не прекратила своего существования, однако она вынуждена была функционировать и развиваться в контексте господствующих в обществе религиозных ценностей и религиозного образа жизни. Характерными чертами средневековой науки стали: теологизм, телеологизм, схоластичность, антропологизм, герменевтический метод, религиозный догматизм [11]. Наука средних веков достигла существенных результатов в области гуманитарных исследований: логики, риторики, герменевтики, языкознания, философии и др.

Вместе с закатом средневековой цивилизации, в Европе XVII века произошла очередная глобальная научная революция, ознаменовавшаяся возникновением так называемой классической науки. Ее главные черты и особенности: светский характер научной деятельности, экспериментальный метод, математический язык, практическая направленность, эмпирическая обоснованность знания, критический дух научного познания, демократизм, открытость к изменениям, оформление науки в качестве одного из социальных институтов общества. Классическая наука опиралась на определенные философские основания. Ее философскими основаниями в области понимания природы были: однозначный детерминизм; субстанциальная природа пространства и времени; абсолютность (неизменность) пространственных размеров (протяженности тел) и временных интервалов (длительности); абсолютность одновременности во всех системах отсчета; эвклидов характер пространства и времени; возможность мгновенной (бесконечной) скорости распространения воздействия (принцип дальнего действия); всеобщая взаимосвязь всех явлений в мире; непрерывность вещества и энергии; линейный характер изменения объектов и/или систем; аддитивность любого воздействия; пространственная и временная бесконечность Вселенной; первичность необходимости и вторичность случайности; антiteleологизм в неорганической природе; закономерный характер всего происходящего в мире; идеология элементаризма и редукционизма в понимании взаимоотношения между объектами и их совокупностями (системами). У классической науки были также свои гносеологические основания, свое специфическое понимание процесса научного познания и вытекающих из него требований к его результатам – научному знанию. Это: абсолютная объективность знания; абсолютная истинность научных фактов и теорий; абсолютная определенность (однозначность) понятий и суждений науки; трансцендентальный характер субъекта научного познания; универсальность (всеобщность) научных законов и теорий; монотеоретизм (возможна только одна истинная теория об одном и том же объекте); логическая доказательность всех научных суждений и теорий; предмет научного познания – объект («вещь в себе»); базисная лингвистическая характеристика знания – текст; научная теория – дедуктивная система; вера в существование универсального научного метода; научное знание должно быть ценностно нейтрально, исходный пункт научного познания – эмпирический опыт (данные наблюдения и эксперимента).

Классическая наука как специфический культурно-исторический тип просуществовала с XVII века вплоть до начала XX века. Уже в конце 19 века обнаружился серьезный кризис ее

основ и, прежде всего, он затронул те области знания и дисциплины, которые были бесспорными лидерами классической науки: физику (основу которой составляла механика Ньютона) и математику (эвклидову геометрию и теорию множеств Кантора). В этих науках были обнаружены либо логические противоречия, либо их несостоятельность в качестве универсальных теорий.

В результате глобальной научной революции в начале XX века возникла неклассическая наука, лидерами которой стали теория относительности и квантовая механика. Неклассическая наука отличалась от классической науки не только альтернативными ей теориями, но также и новыми социальными параметрами. К этим параметрам относятся: массовый характер научной деятельности («большая наука»), создание промышленного сектора науки, активное участие бизнеса и государства в развитии науки, встраивание науки в качестве элемента инновационной и экономической системы общества, конкуренция научно-исследовательских программ, преимущественно коллективный характер субъекта научного познания. У неклассической науки появились новые онтологические философские основания, которые существенно отличались от соответствующих оснований классической науки. Это: вероятностный детерминизм; атрибутивная природа пространства и времени; относительность пространственных размеров и временных интервалов; относительность одновременности; неевклидов характер пространства; внутренняя взаимосвязь пространства, времени и материи; конечная скорость распространения любого физического воздействия (не более 300000 км/сек.); утверждение о том, что Вселенная имеет начало во времени и конечные, хотя и постоянно расширяющиеся размеры в пространстве; утверждение равноправия необходимости и случайности в объективной реальности; утверждение о том, что взаимосвязь всех явлений имеет место лишь в пределах светового конуса; утверждение о дискретном характере энергии и вещества [3]. Гносеологическими основаниями неклассической науки [3] стали: утверждение о субъект – объектном характере научного знания; положение о том, что объективность знания следует понимать лишь как его общезначимость; положение об относительной истинности любых единиц научного знания; утверждение об относительной определенности любых научных понятий и концепций; утверждение о принципиально социальном характере субъекта научного познания; утверждение о партикулярности всех научных законов и теорий (принципиальная ограниченность сферы действия); утверждение о комплементарном (дополнительном) характере научных описаний и, как следствие, утверждение о возможности существования нескольких истинных и взаимоисключающих описаний одного и того же объекта; утверждение о том, что принципиально невозможно с помощью эмпирического опыта доказать научные законы и теории и что опыт, в лучшем случае, может только подтвердить их; любая научная теория может быть логически упорядочена лишь частично; в научном познании неизбежен методологический плюрализм; всегда имеет место не только объектная, но и ценностная детерминация научного знания; опыт и мышление в равной степени могут быть источником и основой научного познания на любом его этапе [4].

Однако, в недрах неклассической науки постепенно сформировался, а начиная с 1980-х годов и решительно заявил о себе новый – постнеклассический тип науки [11]. Каковы основные черты постнеклассической науки? Это – новое понимание предмета современной науки, когда таковым по преимуществу становятся сверхсложные системы и объекты, в том числе и особенно те, которые включают в себя человека в качестве своего элемента; осознание нелинейного характера эволюции большинства реальных объектов и систем; требование экологического и этического регулирования научных проектов и их практической реализации; превращение науки в один из главных приоритетов развития общества и государства; резкое удорожание современных научных исследований; масштабное финансирование науки со стороны государства и бизнеса; первостепенное внимание вопросам научного менеджмента (проблемам эффективной организации и управления наукой). Научными дисциплинами – лидерами постнеклассической науки стали: молекулярная биология, химия, науки о материалах, синергетика, науки о человеке и обществе, медицина, экология, глобальные проблемы мирового развития, междисциплинарные исследования. Постнеклассическая наука опирается на собственные онтологические и гносеологические философские основания. Онтологическими

основаниями постнеклассической науки являются: индетерминизм; утверждение о фундаментальном характере случайности в мире; утверждение об относительности пространственных и временных свойств объектов; утверждение о дискретном характере пространства, времени, вещества и энергии; системность и целостность объектов; антиредукционизм; эволюционный характер изменений объектов и систем; потенциально неограниченная (но всегда конечная) скорость распространения воздействия; нелинейный (бифуркационный в целом) характер изменений объектов и систем; возможность как аддитивных, так и неаддитивных взаимодействий объектов; условно закономерный характер изменений в природе и обществе; свободный и творческий характер человеческого существования; коэволюционный характер взаимодействия природы и общества; постоянное расширение ноосферы и силы ее влияния на все происходящие в мире процессы. Гносеологическими основаниями постнеклассической науки являются: понимание объективности научного знания как результата его консенсуальности [3]; вероятностный характер научного знания; всегда имеющая место недоопределенность научного знания (всех научных понятий, суждений, теорий); подлинный субъект научного познания – профессиональное научное сообщество (научный коллектив); идеализированно-конструктивный характер любых научных законов и теорий; возможность неограниченного числа дополняющих и даже взаимоисключающих друг друга теоретических описаний одного и того же объекта; не только логическая доказательность или опытное подтверждение, но и принятие решений об истинности научных концепций (в результате когнитивных переговоров и на основе когнитивной воли); предмет научного познания – некоторая сконструированная мышлением сущность; базисные лингвистические характеристики научного знания – интертекст и гипертекст; любая научная теория всегда является нарративом (то есть повествованием, «рассказом», story); методологическая и лингвистическая свобода ученого как необходимое условие его самовыражения и творчества; существенная логическая и лингвистическая гетерогенность научного текста; исходное начало научного познания – здравый смысл. Постнеклассическая наука это своеобразное возвращение науки, но на более высоком уровне развития, к своему исходному состоянию. Ее главная интенция не на истинность научного знания и его мировоззренческую значимость, а на практическую применимость и инновационную ценность научного знания. Задача выработки средствами науки истинного мировоззрения как главное предназначение науки все более отодвигается в постнеклассической науке на периферию научных исследований. Проблема мировоззрения исключается из науки и рассматривается теперь как предмет других форм человеческого познания: философии, религии, искусства, политической идеологии и решений, глобальных проблем существования современной цивилизации.

Шестая аксиома позитивно-диалектической концепции. Она утверждает, что **развитие научного знания и познания подчиняется общим законам эволюции любой системы: постепенного накопления количественных изменений и перехода системы со временем в новое качественное состояние, во многом противоположное по своим свойствам предыдущему состоянию** [1; 7]. Говоря о природе изменений научного знания, необходимо подчеркнуть, что хотя все они совершаются в сфере сознания (соответствуют его возможностям и регулируются его структурой), их содержание зависит не только от накопленного ранее научного знания, но и от результатов взаимодействия научного сознания с внешней для него объективной реальностью, которую оно стремится познать. История науки – это не чисто логический процесс развертки содержания научного сознания, а когнитивные изменения, которые совершаются в реальном историческом пространстве и времени. Как убедительно показывает реальная история науки, научные когнитивные изменения имеют эволюционный, т.е. направленный и необратимый характер. Это означает, например, что общая риманова геометрия не могла появиться раньше евклидовой, а теория относительности и квантовая механика – раньше или одновременно с классической механикой. Иногда это объясняют с позиции трактовки процесса научного познания как накопления и последующего обобщения фактов. В этом случае эволюция научного знания естественно истолковывается как движение в сторону все больших обобщений, а смена научных теорий понимается как замена менее общей теории более общей. В логике понятие

«степень общности» интерпретируется обычно экстенсивно. Это означает, что понятие А является более общим, чем понятие В, если и только если все элементы объема понятия В входят в объем понятия А, но обратное не имеет места. Взгляд на научное познание как на обобщение фактов, а на эволюцию научного знания как на увеличение степени общности сменяющих друг друга теорий – это, безусловно, индуктивистская концепция истории науки. Как известно, индуктивизм был господствующей парадигмой в философии науки вплоть до середины XIX века. В философии науки XX века одним из главных аргументов в его защиту стал так называемый *принцип соответствия*. Согласно этому принципу отношение между старой и новой научной теорией должно быть таково, чтобы все положения предшествующей теории (и тем самым все факты, которые она объясняла и предсказывала) выводились бы в качестве частного случая из новой, сменяющей ее теории. В качестве примеров обычно приводились: классическая механика, с одной стороны, и теория относительности и квантовая механика, с другой; синтетическая теория эволюции в биологии как синтез дарвиновской концепции и генетики; арифметика натуральных чисел, с одной стороны, и арифметика рациональных или действительных чисел, с другой; соотношение евклидовой и неевклидовой геометрии и др. Однако, при достаточно строгом анализе соотношения понятий указанных выше теорий никакого «частного случая» или даже «предельного случая» в отношениях между ними не получается. Рассмотрим, например, уравнение, связывающее значения масс в классической и релятивистской механике:

$$m = \frac{m_0}{\sqrt{1 - \frac{V^2}{c^2}}}$$

, где m – движущая масса; m_0 – масса покоя; V – скорость движения массы; c – скорость света.

Это уравнение, безусловно, говорит о том, что с увеличением V , m – возрастает, т.к.

$\sqrt{1 - \frac{V^2}{c^2}}$ – уменьшается. При $V = 0$, $m = m_0$, но это лишь один случай самой классической механики, притом ее статики, но не динамики. При $V = c$ – уравнение не имеет математического смысла. А ведь только при рассмотренных значениях V возможно логическое выведение значения массы тела в классической механике из уравнений массы тела релятивистской механики в качестве частного случая. «Частного случая» не получилось. Тогда, может быть, более осмысленной является трактовка классической механики в качестве «предельного случая» релятивистской механики? В самом деле, при последовательном уменьшении V значение m все больше приближается к значению m_0 , но никогда его не достигает (по самому смыслу релятивистской механики), поэтому m_0 – не может быть рассмотрено и в качестве «предельного случая» m , так как это возможно только при исчезновении самого движения тела (при $V = 0$). Ясно, что выражение «предельный случай» имеет очень нестрогое и скорее метафорическое значение. Очевидно, что масса тела либо меняет свою величину в процессе движения, либо нет. Третьего не дано. Классическая механика отрицает такое изменение, релятивистская – утверждает его существование. Таким образом, классическая и релятивистская механика теоретически, а потому и логически несовместимы между собой, и, даже, как показали постпозитивисты, вообще не соизмеримы, так как у них нет общего и нейтрального по отношению к ним эмпирического базиса. Они говорят разные и порой несовместимые вещи об одном и том же (массе, пространстве, времени и др.).

Аналогичные возражения можно привести и в отношении других «любимых примеров» кумулятивистов. Так, классическая механика исходит из того, что всегда можно одновременно задать точное значение двух переменных – координаты физического тела и его импульса. Квантовая механика, напротив, утверждает, что этого сделать принципиально нельзя (принцип неопределенности Гейзенберга). Согласно принципу неопределенности существует предел максимально допустимой точности одновременного задания этих сопряженных величин, который не может превышать значение постоянной Планка.

Современная синтетическая теория эволюции также, строго говоря, не является

механической (аддитивной) суммой положений аутентичной дарвиновской теории эволюции и, скажем, менделевской генетики, ибо эти теории противоречат друг другу в понимании характера эволюции: номогенез в дарвиновской теории эволюции видов через естественный отбор и случайный характер мутаций и соответственно возникновение новых видов в менделевской генетике.

То же самое отрицательное заключение в отношении действия принципа соответствия можно сделать и применительно к эволюции математического знания (принцип Ганкеля). Строго говоря, неверно утверждать, что арифметика действительных чисел является обобщением арифметики рациональных чисел, а последняя – обобщением арифметики натуральных чисел. Начнем с опровержения последнего утверждения. Как известно,

$$\frac{m}{n}$$

рациональные числа имеют вид $\frac{m}{n}$, где m и n – натуральные числа, то есть рациональные числа суть отношения между натуральными числами, а не сами эти числа. Одним словом, рациональное число – это функция от двух переменных, и ее формальным синтаксическим эквивалентом является двухместный предикат $A(x, y)$, где x и y – натуральные числа.

$$\frac{m}{n}$$

Конечно, когда результатом деления $\frac{m}{n}$ является целое число, особенно в случаях, когда $n =$

$$\frac{m}{1}$$

1, тогда значение функции $\frac{m}{n}$ является одним из натуральных чисел. Более правильно сказать, что натуральные числа могут быть рассмотрены как множество чисел, равномогущее одному из подмножеств множества рациональных чисел. Но это еще не означает, что

$$\frac{m}{1}$$

натуральные числа являются частью множества рациональных чисел, так как числа вида $\frac{1}{1}$ остаются всегда рациональными, а не натуральными числами. Другое дело, что каждому натуральному числу можно поставить в соответствие одно и только одно рациональное

$$\frac{m}{1}$$

число вида $\frac{1}{1}$. В этом случае говорят, что множество натуральных чисел может быть «изоморфно вложено» в множество рациональных чисел. Обратное же неверно. Но быть «изоморфно вложенным» отнюдь не означает быть «частным случаем». «Частным случаем»

$$\frac{m}{1}$$

рациональных чисел является подмножеством рациональных же чисел вида $\frac{1}{1}$

$$\left(\frac{2}{1}, \frac{3}{1}, \frac{4}{1}, \dots, \frac{100}{1}, \dots \right)$$

, но это отнюдь не натуральные числа. То же самое с соответствующими поправками можно сказать и о соотношении рациональных и действительных чисел и, соответственно, о взаимосвязи арифметики рациональных чисел и арифметики

действительных чисел. Действительные числа это числа вида $a_1, b_1 b_2 b_3 b_4 \dots$, где a_1, b_1, b_2, b_3, b_4 – любые натуральные числа. Действительные числа по своему синтаксическому представлению это бесконечно-местные предикаты вида $A(x, y, z, \dots)$, тогда как рациональные – только двухместные предикаты. Конечно, можно установить

изоморфизм соответствия между подмножеством действительных чисел вида $a_1, b_1 b_2 b_3 b_4 \dots$

(когда $b_1, b_2, b_3, b_4 \dots$ равно 0) и множеством рациональных чисел. Однако, все дело в том, что именно благодаря символу «...», означающему «бесконечность», множество действительных чисел не просто бесконечно (как множество натуральных и множество рациональных чисел), а несчетно бесконечно, тогда как множество рациональных чисел – бесконечно, но счетно. И поэтому здесь принцип Ганкеля также «не работает»: арифметика действительных чисел не является обобщением арифметики рациональных чисел, а последняя, соответственно, не является «частным случаем» первой.

Таким образом, принцип соответствия с его опорой на «пределный случай» не может

рассматриваться в качестве адекватного механизма рациональной реконструкции эволюции научного знания. Основанный на нем теоретический кумулятивизм является редукционистской концепцией эволюции науки, отрицающей качественные скачки и научные революции в динамике научного знания [1].

Признание же наличия качественных скачков в динамике научного знания означает, что эволюция научного знания имеет характер развития. В этом случае новые научные теории могут ставить под вопрос истинность старых теорий, если они не совместимы друг с другом в утверждениях о свойствах и отношениях одной и той же предметной области. Когда пытаются «развести» старую и пришедшую ей на смену новую теорию по различным предметным сферам, считая каждую из них истинной в своей области, то, как правило, явно лукавят, выдавая желаемое за действительное. Например, когда говорят, что классическая механика истинна для описания движения физических тел с большими массами и малыми скоростями, тогда как релятивистская истинна для описания движения малых масс с большими скоростями. Во-первых, это нестрогое высказывание, ибо здесь точно не определяют границу, с которой начинаются «большие» массы и «большие» скорости, а, во-вторых, релятивистские эффекты либо имеют место при любых скоростях (кроме 0), либо не имеют. А здесь классическая и релятивистская механика принципиально не совместимы в своих ответах. Другое дело, что при малых скоростях релятивистский эффект значительно меньше чем больших, и с практической точки зрения (для простоты расчетов и моделей) этим эффектом можно пренебречь. Но пренебречь чем-то – не означает отказать ему в существовании. Необходимо также подчеркнуть, что несовместимость старой и новой научной теории всегда является не полной, а лишь частичной. Это означает, во-первых, что многие их утверждения не только не противоречат друг другу, но и полностью совпадают (например, что последующее состояние физической системы зависит только от ее предыдущего состояния, и ни от чего более, утверждается как в классической, так и в релятивистской физике). Во-вторых, это означает, что старая и новая теории частично все же соизмеримы, поскольку употребляют часть понятий в одном и том же значении (например, понятие «масса», как в классической, так и в релятивистской физике, понимается одинаково, а именно, как мера инерции; «прямая линия» и в евклидовой и в неевклидовой геометрии так же понимается одинаково, а именно как кратчайшее расстояние между двумя точками и т.д.). Новые теории отрицают старые не полностью, а лишь частично, правда, предлагая при этом в целом новый взгляд на ту же самую предметную область. Итак, развитие научного знания представляет собой непрерывно-прерывный процесс, характеризующийся время от времени качественными скачками в видении одной и той же предметной области. Поэтому в целом развитие научного знания является не кумулятивным процессом. Несмотря на то, что по мере развития науки постоянно растет объем эмпирической и теоретической информации, было бы весьма опрометчиво делать отсюда выводы о том, что имеет место прогресс в истинном содержании науки. Твердо можно сказать лишь то, что старые и сменяющие их новые фундаментальные теории видят мир не просто по-разному, но зачастую и противоположным образом. Прогрессистский же взгляд на развитие теоретического знания возможен только при принятии философии либо преформизма, либо телеологизма применительно к эволюции науки [7].

Как известно, в современной философии науки и вопрос о движущих силах развития научного знания часто решается явно метафизически, то есть односторонне. По этому вопросу существуют две альтернативные, взаимоисключающие друг друга концепции: интернализм и экстернализм. Согласно интерналистам, главную движущую силу развития научного знания составляют имманентно присущие ему **внутренние** цели, средства и закономерности. Они считают, что научное знание должно рассматриваться как саморазвивающаяся система, содержание которой не зависит от социокультурных условий ее бытия, от социума и его различных подсистем (экономики, техники, политики, философии, религии, искусства и т.д.). Наиболее видными представителями интернализма являются А. Койре, Р. Холл, П. Росси, Г. Герлак, а позднее такие известные постпозитивистские философы науки, как И. Лакатос, но особенно К. Поппер. Именно он предпринял наиболее значимую попытку философского обоснования правомерности интерналистской концепции развития научного знания. Согласно онтологической доктрине

Поппера, существуют три самостоятельных, причинно не связанных друг с другом типа реальности: физический мир, психический мир и мир знания. Мир знания создан человеком, но с некоторого момента он стал независимой объективной реальностью, все изменения в которой полностью предопределены ее внутренними возможностями и предшествующим состоянием. Как и другие интерналисты, Поппер не отрицает влияния на динамику научного знания наличных социальных условий (меры востребованности обществом научного знания как средства решения различных проблем, влияния на науку различных вненаучных форм знания и т.д.), однако он считает это влияние чисто внешним, никак не затрагивающим само содержание научного знания. Главная философская слабость интернализма заключается в том, что он неизбежно вынужден принять концепцию интеллектуального преформизма, согласно которой все возможное содержание знания уже, так или иначе, предзадано в некотором множестве априорных базисных идей. Научные наблюдения трактуются при этом лишь как один из внешних факторов, запускающих механизм творчества и перекомбинации мира идей ради достижения большей степени его адаптации к наличным воздействиям внешней среды, имеющей на динамику научного знания в общем-то случайный характер. Оценивая эвристический потенциал интерналистской парадигмы, необходимо отметить такие ее положительные черты, как подчеркивание (хотя и чрезмерное) качественной специфики научного знания по сравнению с вненаучными видами познавательной деятельности, преемственности в динамике научного знания, направленности научного познания на объективную истину. К отрицательным чертам интернализма относятся: имманентизм, явная недооценка его представителями социальной, исторической и субъективной природы научного познания, игнорирование культурной и экзистенциальной мотивации научного познания, непонимание его представителями предпосылочного – идеализирующего и идеологического – характера собственных построений.

В противоположность интерналистам их оппоненты – экстерналисты считают основной движущей силой развития научного знания не внутринаучные факторы, а социальные факторы – потребности общества и его материальный и духовный потенциал [17]. С точки зрения экстерналистов, познавательный интерес в науке, в конечном счете, всегда «замкнут» на практический интерес, на необходимость решения, в формах наличной социальности, множества инженерных, технических, технологических, экономических и социально-гуманитарных проблем. Реализация экстерналистской программы в историографии науки была предпринята сначала в 1930-е годы (Б. Гессен, Дж. Бернал, Э. Цильзель, Д. Нидам и др.), а затем в 1970-х гг. (Т. Кун, П. Фейерабенд, М. Малкей, М. Полани и др.). Будучи едины в признании существенного влияния общества и его потребностей на развитие научного знания, разные представители экстернализма расходятся при этом в оценке значимости конкретных социальных факторов, определяющих это развитие. Одни считают главными факторами экономические, технические и технологические потребности общества (Дж. Бернал, Б. Гессен и др.), другие – тип социальной организации (А. Богданов), третьи – господствующую в обществе культурную доминанту (О. Шпенглер), четвертые – наличный духовный потенциал общества, пятые – конкретный тип взаимодействия всех указанных выше факторов, образующий наличный социокультурный фон науки, ее инфраструктуру (В. Купцов и др.), шестые – локальный социальный и социально-психологический контекст деятельности научных коллективов и отдельных ученых (Т. Кун, П. Фейерабенд, М. Малкей и др.).

Главным философским недостатком экстернализма является явная недооценка им относительной самостоятельности и независимости науки по отношению к социальной инфраструктуре. Недооценка, неизбежно ведущая представителей экстернализма к релятивизму и субъективизму (П. Фейерабенд и др.). В отличие от интернализма и экстернализма позитивно-диалектическая эпистемология исходит из идеи диалектического единства и взаимосвязи внутринаучных и социокультурных факторов в динамике научного знания.

Конечно, мера этой взаимосвязи не может быть определена заранее, априорно, так как для разных этапов, периодов и решения конкретных научных проблем она является существенно различной. Например, одна ситуация, когда создается новая фундаментальная научная теория, и совсем другая, когда требуется количественно обработать полученные

эмпирические данные по определенной методике или вывести некоторую теорему из аксиом по определенным правилам логики. Здесь каждый раз требуется конкретный анализ конкретной познавательной ситуации и принятие соответствующего решения об определении веса как внутринаучных, так и социокультурных факторов в данной ситуации. Главными достоинствами теории диалектического единства внутринаучных и социокультурных факторов в динамике научного знания являются: максимально возможная полнота в описании развития научного знания, антиаприоризм, историчность, конкретность эпистемологической истины, замыкание анализа на реальную познавательную практику [20; 21].

Седьмая аксиома позитивно-диалектической концепции: необходимым условием успешного функционирования и развития научного знания, является философская рефлексия над наукой, ее структурой, содержанием и динамикой [24; 25; 28]. Особенно важную роль этот вид познания играет по отношению к рефлексии оснований науки, критическому осмыслению и оценке ее фундаментальных законов и принципов. Философская рефлексия над наукой результируется в построении философских оснований науки. Такие основания входят, прежде всего, в структуру фундаментальных и парадигмальных научных теорий. С помощью философских оснований наука вписывает свое содержание в более широкую когнитивную систему современной ей культуры – систему всего рационального знания (сюда входят и обыденное познание, и практический опыт, и рациональное постижение истории и социальной жизни общества, и, наконец, философия как рационально-теоретическая форма мировоззрения). Как известно, полное исключение позитивистами философской компоненты из структуры научного знания привело их к неразрешимым трудностям в объяснении многих аспектов функционирования и развития науки. Однако столь же неверным является противоположное стремление сторонников трансценденталистской эпистемологии полностью подчинить науку философскому методу, сделать научное познание слишком зависимым от философии [28].

В отличие от них, позитивно-диалектическая эпистемология утверждает относительную самостоятельность и относительную независимость современной науки и научного знания от философии (как, впрочем, и наоборот), огромные ресурсы культурной самодостаточности науки в ее функционировании и развитии. С позиций такого диалектического понимания философия, во-первых, является лишь одним из факторов развития реальной науки, во-вторых, действующим на науку избирательно (в основном, на теоретическом уровне научного познания), и, в-третьих, интенсивно влияющим на развитие науки только в период научных революций, в период глубокого кризиса ее фундамента и смены парадигмальных теорий. Таким образом, в противоположность трансценденталистской концепции о фронтальной зависимости научного знания от «истинной философии», диалектическая концепция науки подчеркивает лишь относительный, избирательный и периодический характер этой зависимости [23; 24; 25]. Относительную независимость от философии современная наука «компенсирует» своим технологическим «замыканием» на материальную практику, на обслуживание потребностей развития производительных сил общества, его техники и технологий, включая социальные и гуманитарные технологии и др. [20] В силу качественного различия содержания философского и конкретно-научного знания последнее принципиально не может быть выведено из «истинной» философии. Но верно и обратное: содержание философии также не может быть выведено из конкретно-научного знания о мире, даже совокупного, ибо философия в своих построениях опирается не только на науку, но и на весь многообразный опыт человеческой жизнедеятельности, на всю культуру, по отношению которой наука является лишь одной из подсистем.

Хотя граница между философией и наукой и их содержанием не является жесткой, раз навсегда данной и окончательной, а подвижной и относительной, как исторически, так и функционально, однако, она всегда существует. Своим основанием она имеет качественную структурированность содержания сознания, наличие в нем различных сфер и уровней (в частности, сфер всеобщего и частного содержания сознания, предметного и ценностного знания и др.). По отношению к частным наукам философия выступает не только как более общий, но и как мировоззренческий вид знания, выполняя по отношению к науке мировоззренчески-интерпретативную, оценочную, общекультурную и адаптивную функции.

Несмотря на возрастание существенной самостоятельности науки в культуре, ее внутренних закономерностей развития, взаимосвязь конкретных наук с философией является и, по-видимому, навсегда останется и в будущем одним из важнейших факторов динамики научного знания [12; 14; 18].

Примечания:

1. Лебедев С.А. Структура и развитие научного знания. Позитивно-диалектическая концепция. М.: Академия медиаиндустрии. 2012. С. 74.
2. Лебедев С.А. Позитивно-диалектическая парадигма эпистемологии и философии науки. М.: Академия медиаиндустрии. 2014. С. 74.
3. Лебедев С.А. Методы научного познания. М.: Альфа-М, Инфра-М. 2014. С. 272.
4. Лебедев С.А. Методология науки: проблема индукции. М.: Альфа-М. 2013. С. 192.
5. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Коэволюция моделей науки и мировоззренческих установок // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. №4. С. 22-31.
6. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Эпистемология и философия науки: классическая и неклассическая. М., Академический проект. 2014. С. 295.
7. Лебедев С.А. Основные модели развития научного знания // Вестник Российской академии наук. 2014. Т.84. №6. С. 506.
8. Лебедев С.А. Основные парадигмы эпистемологии и философии науки. М.: Академия медиаиндустрии. 2012. С. 59.
9. Лебедев С.А. Проблема истины в науке // Человек. 2014, №4.
10. Лебедев С.А. Структура научного знания. Санкт-Петербург: СПб ГУП. 2006. 40 с. Избранные лекции университета. Вып. 33.
11. Лебедев С.А. Культурно-исторические типы науки и закономерности ее развития // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013, №3. С. 7-18.
12. Лебедев С.А. Основные эпистемологические концепции естествознания // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2014. №2. С. 58-75.
13. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики. 2006.
14. Лебедев С.А. Основные парадигмы эпистемологии и философии науки // Философские науки. 2014, №3. С. 47-63.
15. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Конвенционалистская философия науки // Вопросы философии. 2013. №4.
16. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Конвенции и консенсус в контексте современной философии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. №1. С.7-13.
17. Лебедев С.А. История философии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2009, № 1.
18. Лебедев С.А. Постнеклассическая эпистемология: основные концепции // Философские науки. 2013, №4.
19. Лебедев С.А. Наука в глобальном мире // Век глобализации. 2012, №2. С.145-151.
20. Лебедев С.А. Праксиология науки // Вопросы философии. 2012, № 4.
21. Лебедев С.А. Современная наука: социальность и инновационность // Вестник Московского университета, серия 7: Философия. 2011, №1.
22. Lebedev S. Methodology of Science and Scientific Knowledge Levels // European Journal of Philosophical Research. 2014. Vol.(1). №1. P. 65-72.
23. Лебедев С.А., Ильин В.В. История и философия науки. Метафилософия // Философские науки. 2006. №1. С.112-131.
24. Лебедев С.А., Ильин В.В. Метафилософия // Философские науки. 2006. №2. С.113-123.
25. Лебедев С.А., Ильин В.В. Метафилософия (окончание) // Философские науки. 2006. №3. С.180-120.
26. Лебедев С.А. Проблема оправдания индукции (метафизический и прагматический подходы) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2013. №3(132). С. 86-90.
27. Лебедев С.А. Проблема оправдания индукции (конвенционалистский, индуктивно-аналитический и лингвистический подходы) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2013.

№5(134). С. 79-83.

28. Лебедев С.А. *Философия и наука* / Лебедев С.А., Купцов В.И. и др. *Философия и наука*. М.: Издательство Московского университета. 1973.

References:

1. Lebedev S.A. *Struktura i razvitie nauchnogo znaniya. Pozitivno-dialekticheskaya kontseptsiya*. М.: Akademiya mediaindustrii. 2012. S. 74.
2. Lebedev S.A. *Pozitivno-dialekticheskaya paradigma epistemologii i filosofii nauki*. М.: Akademiya mediaindustrii. 2014. S. 74.
3. Lebedev S.A. *Metody nauchnogo poznaniya*. М.: Al'fa-M, Infra-M. 2014. S. 272.
4. Lebedev S.A. *Metodologiya nauki: problema induktsii*. М.: Al'fa-M. 2013. S. 192.
5. Lebedev S.A., Kos'kov S.N. *Koevolyutsiya modelei nauki i mirovozzrencheskikh ustanovok//Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*. 2013. №4. S. 22-31.
6. Lebedev S.A., Kos'kov S.N. *Epistemologiya i filosofiya nauki: klassicheskaya i neklassicheskaya*. М., Akademicheskii proekt. 2014. S. 295.
7. Lebedev S.A. *Osnovnye modeli razvitiya nauchnogo znaniya // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2014. T.84. №6. S. 506.
8. Lebedev S.A. *Osnovnye paradigmy epistemologii i filosofii nauki*. М.: Akademiya mediaindustrii. 2012. S. 59.
9. Lebedev S.A. *Problema istiny v nauke//Chelovek*. 2014, №4.
10. Lebedev S.A. *Struktura nauchnogo znaniya*. Sankt-Peterburg: SPb GUP.2006. 40 s. *Izbrannye lektsii universiteta*. Vyp. 33.
11. Lebedev S.A. *Kul'turno-istoricheskie tipy nauki i zakonomernosti ee razvitiya// Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*. 2013, №3. S. 7-18.
12. Lebedev S.A. *Osnovnye epistemologicheskie kontseptsii estestvoznaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 2014. №2. S. 58-75.
13. Stepin V.S. *Filosofiya nauki. Obshchie problemy*. М.: Gardariki. 2006.
14. Lebedev S.A. *Osnovnye paradigmy epistemologii i filosofii nauki // Filosofskie nauki*. 2014, №3. S. 47-63.
15. Lebedev S.A., Kos'kov S.N. *Konventsionalistskaya filosofiya nauki // Voprosy filosofii*. 2013. №4.
16. Lebedev S.A., Kos'kov S.N. *Konventsii i konsensus v kontekste sovremennoi filosofii nauki // Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*. 2014. №1. S.7-13.
17. Lebedev S.A. *Istoriya filosofii nauki // Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*. 2009, № 1.
18. Lebedev S.A. *Postneklassicheskaya epistemologiya: osnovnye kontseptsii // Filosofskie nauki*. 2013, №4.
19. Lebedev S.A. *Nauka v global'nom mire // Vek globalizatsii*. 2012, №2. S.145-151.
20. Lebedev S.A. *Praksiologiya nauki // Voprosy filosofii*. 2012, № 4.
21. Lebedev S.A. *Sovremennaya nauka: sotsial'nost' i innovatsionnost' // Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya 7: Filosofiya*. 2011, №1.
22. Lebedev S. *Methodology of Science and Scientific Knowledge Levels // European Journal of Philosophical Research*. 2014. Vol.(1). №1. P. 65-72.
23. Lebedev S.A., Il'in V.V. *Istoriya i filosofiya nauki. Metafilosofiya // Filosofskie nauki*. 2006. №1. S.112-131.
24. Lebedev S.A., Il'in V.V. *Metafilosofiya// Filosofskie nauki*.2006. №2. S.113-123.
25. Lebedev S.A., Il'in V.V. *Metafilosofiya (okonchanie) // Filosofskie nauki*. 2006. №3. S.180-120.
26. Lebedev S.A. *Problema opravdaniya induktsii (metafizicheskii i pragmaticheskii podkhody) // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. 2013. №3(132). S. 86-90.
27. Lebedev S.A. *Problema opravdaniya induktsii (konventsionalistskii, induktivno-analiticheskii i lingvisticheskii podkhody) // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. 2013. №5(134). S. 79-83.
28. Lebedev S.A. *Filosofiya i nauka* / Lebedev S.A., Kuptsov V.I. i dr. *Filosofiya i nauka*. М.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 1973.

УДК 1

Позитивно-диалектическая эпистемологическая программа

Сергей Александрович Лебедев

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Российская Федерация
Доктор философских наук, профессор
E-mail: saleb@rambler.ru

Аннотация. В статье раскрывается основное содержание развиваемой автором позитивно-диалектической программы в области эпистемологии и философии науки. Показываются ее гносеологические преимущества по сравнению с другими парадигмами в области современной эпистемологии и философии науки, прежде всего, по сравнению с трансцендентализмом, позитивизмом и постпозитивизмом.

Ключевые слова: эпистемология; философия науки; позитивизм; постпозитивизм; трансцендентализм; позитивно-диалектическая концепция.